

Н. П. Ковальский

ИСТОЧНИКО-

ВЕДЕНИЕ

**ИСТОРИИ
УКРАИНСКО-РУССКИХ
СВЯЗЕЙ
(XVI-первая половина XVII в.)**

Днепропетровск — 1985

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ СССР

ДНЕПРОПЕТРОВСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени 300-летия ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

Н. П. КОВАЛЬСКИЙ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИИ УКРАИНСКО-РУССКИХ СВЯЗЕЙ
(XVI — первая половина XVII в.)

Утверждено редакционно-издательским советом университета
в качестве учебного пособия

ДНЕПРОПЕТРОВСК . 1985

К о в а л ь с к и й Н. П. Источниковедение истории украинско-русских связей (XVI — первая половина XVII в.): Учебное пособие. — Днепропетровск: ДГУ, 1985. — 64 с.

Украинско-русские связи являются важнейшей проблемой отечественной историографии. Особо важным в научном и политическом отношении представляется изучение связей между Украиной и Россией в XVI — первой половине XVII в., послуживших объективной, необходимой и исторически закономерной предпосылкой воссоединения двух братских восточно-славянских народов. В пособии рассматриваются источники об экономических и политических украинско-русских связях, их важнейших формах и проявлениях. Произведены обзор, классификация, типология и систематизация источников по проблемно-тематическому признаку. Анализируются документы судебно-административных книг Украины (акты городских, магистратских и других судов), таможенные записи, документы приказов Российского государства (в особенности Посольского и Разрядного), многие из которых впервые вводятся в научный оборот. Значительное внимание уделяется таким важным источниковедческим вопросам, как подлинность, достоверность, репрезентативность комплексов источников, проблемам извлечения из них информации о реальных событиях, процессах, степени адекватного отражения ими реальной исторической действительности.

Пособие предназначено преподавателям, студентам, аспирантам, научным работникам.

Ответственный редактор член-корреспондент АН УССР, доктор исторических наук, профессор **Ф. П. Шевченко**.

Список лит. — 109 назв.

Рецензенты: канд. ист. наук, доц. **В. В. Крутиков**,
канд. ист. наук, доц. **В. А. Пирко**

ВВЕДЕНИЕ

В истории украинского народа феодального периода XVI — XVII вв. значительное место принадлежит его связям и взаимоотношениям с братским русским народом. Украинско-русские взаимосвязи проявлялись в различных формах и сферах общественно-политической, экономической и культурной жизни обоих народов. Существовали такие основные формы связей между Украиной и Россией: политические, торгово-экономические, производственные, культурные. Каждой из них присущи своеобразные отличительные особенности проявления и фиксации. В их основе находилась исторически сложившаяся общность русского и украинского народов, по классическому определению В. И. Ленина, «...столь близких и по языку, и по месту жительства, и по характеру, и по истории»¹.

Изучение источников об исторических корнях дружбы и братства русского и украинского народов, их традиционных и непрекращающихся на протяжении столетий взаимосвязей имеет не только научную, но и большую политическую актуальность в связи с продолжающимися попытками современных буржуазных фальсификаторов замалчивать или в искаженном свете изображать исторические факты и характер взаимоотношений между этими народами. Советские исследователи уделяют большое внимание аргументированному разоблачению буржуазно-националистических фальсификаций истории Украины².

Приведенный в настоящей работе фактический материал, основанный на анализе различных видов источников как опубликованных, так и архивных по истории украинско-русских экономических и политических связей XVI — первой половины XVII в. накануне Освободительной войны украин-

ского народа и воссоединения Украины с Россией, позволит на обширной документальной базе раскрыть научную несостоятельность буржуазно-националистических концепций по данной проблематике.

Хотя проблемы русско-украинских взаимосвязей XVI — середины XVII в. являлись объектом фундаментальных исследований советских историков, особенно начиная с середины 50-х гг. (монографии И. П. Крипьякевича, Ф. П. Шевченко, Д. И. Мышко и ряд статей³), источниковедческие аспекты этой темы, за исключением работ Н. Ф. Кучернюка об источниках по истории русско-украинских связей в годы Освободительной войны 1648—1654 гг.⁴, начали разрабатываться только в последнее время⁵. Между тем для глубокого изучения украинско-русских связей необходимо установление наличия всей совокупности сохранившегося корпуса источников с начала XVI в. до середины XVII в., их максимальный учет, определение степени их репрезентативности, адекватности реальной исторической действительности, значения для исследования истории украинского народа и его борьбы за социальное и национальное освобождение и воссоединение Украины с Россией, что целесообразно и для дальнейшей археографической, эдиционной (публикаторской) деятельности по изданию источников о русско-украинских связях.

Важным и обязательным этапом, предшествующим установлению корпуса источников по истории украинско-русских связей и их анализу, является тщательное изучение публикаций, проведение оптимального архивного поиска (архивной эвристики), установление структуры источниковой базы изучения истории Украины XVI — первой половины XVII в. Материалы по этим вопросам изложены в цикле предыдущих семи книг автора, опубликованных в 1977—1983 гг.⁶, в совместном с Ю. А. Мыцком учебном пособии о польских архивных собраниях, содержащих источники по истории Украины XVI—XVII вв. (1984)⁷.

Выявленный и приведенный в определенную систему (по видовому и тематическому признакам) обширный корпус источников различных родов, видов и разновидностей позволяет извлечь из них многогранную и достоверную информацию о фактах, свидетельствующих о явлениях и процессах, происходивших во взаимоотношениях между двумя братскими народами — русским и украинским.

Подлинно научное изучение истории украинско-русских взаимосвязей возможно только на основе таких важнейших принципов марксистско-ленинской методологии, как прин-

ципы объективности процесса познания, партийности, классового подхода, последовательного историзма. Установление степени адекватности источниковой информации реальной действительности основывается на положении В. И. Ленина о том, что «познание есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту», «идея... есть совпадение (согласие) понятия и объективности...»⁸.

Особое методологическое значение для изучения источников по истории украинско-русских связей, как и для любых источниковедческих и конкретно-исторических вопросов, имеет разработанное классиками марксизма-ленинизма учение о фактах как основе познания и необходимости критического к ним отношения и анализа.

На необходимость опираться на фундамент фактов и именно из них исходить в научных построениях указывал Ф. Энгельс: «...В любой научной области — как в области природы, так и в области истории — надо исходить из данных нам фактов, ...нельзя конструировать связи и вносить их в факты, а надо извлекать их из фактов...»⁹. Делать научные выводы в результате исследования возможно, по его же словам, «только при помощи большого, критически проверенного, в совершенстве усвоенного исторического материала...»¹⁰.

В ряде ленинских трудов изложены основополагающие марксистские теоретические положения по проблеме отбора и анализа исторических фактов, — имеющие первостепенное принципиальное значение для советской исторической науки, источниковедения, в том числе для изучения источников по истории украинско-русских связей.

Требование тщательного и критического отношения к историческим источникам и содержащимся в них фактам было сформулировано и практически реализовано уже в ранних ленинских работах 90-х гг., и к этим вопросам В. И. Ленин неоднократно обращался в дальнейшем. Важное ленинское методологическое положение заключается в необходимости «рассмотреть и попытаться изобразить весь процесс... в его целом», чтобы не возникло сомнения в том, что «факты выбраны произвольно и опущены факты, говорящие против»¹¹. Это положение получило дальнейшее развитие в классическом труде «Империализм, как высшая стадия капитализма», в котором В. И. Ленин показал, что «надо взять не примеры и не отдельные данные (при громадной сложности явлений общественной жизни можно всегда подыскать любое количество примеров или отдельных данных в подтверждение любого положения), а непременно *совокупность* данных...»¹². При

этом очень важно не растеряться в большом количестве фактов, суметь расположить их в определенной системе, для чего, как указывал В. И. Ленин, «мы должны ограничиться тем, чтобы точно установить основные факты, определить главные линии исторического развития»¹³. В противовес произведениям буржуазной историографии, в которых давалось, по словам В. И. Ленина, «накопление сырых фактов, отрывочно набранных, и изображение отдельных сторон исторического процесса»¹⁴, «марксизм стоит на почве фактов, а не возможностей. Марксизм должен в посылки своей политики ставить **только** точно и бесспорно доказанные факты»¹⁵. В. И. Ленин подчеркивал, что «марксизм не основывается ни на чем другом, кроме как на фактах русской истории и действительности»¹⁶.

В наиболее развернутом и завершенном виде диалектико-материалистическое воззрение на факты и необходимость привлечения их во всей их совокупности, в форме системы изложены В. И. Лениным в статье «Статистика и социология» (январь, 1917). Чрезвычайно важным является ленинское положение о необходимости «установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно было опираться»¹⁷. Непременным условием для создания такого фундамента из фактов, по словам В. И. Ленина, является привлечение всей совокупности «относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, **без единого** исключения»¹⁸.

Рассмотренные ленинские положения являются важнейшей теоретической и методической основой для научного изучения источников по истории украинско-русских взаимосвязей, которые возможно уяснить и изучить только при комплексном подходе. Как подчеркивал В. И. Ленин, для того, «чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»¹⁹.

Систематизация, анализ и сопоставление между собой источников различного происхождения позволяют выявить достоверные факты по истории многогранных связей между Украиной и Россией, своеобразие их фиксации, отображение реальных событий в документальных и нарративных источниках, формы, направления и динамику этих взаимоотношений в годы, предшествующие Освободительной войне украинского народа и воссоединению Украины с Россией. Такой системный подход соответствует ленинскому положению о том, что «...в общественной науке (как и в науке вообще) дело идет о **массовых** явлениях, а не об единичных случаях»²⁰.

В настоящем учебном пособии по читаемому в Днепропетровском госуниверситете спецкурсу «Источники по социально-экономической истории Украины и украинско-русским связям XVI — первой половины XVII в.» рассмотрены источники о двух формах связей: экономических и политических. Что же касается культурных взаимосвязей между двумя братскими народами в XVI—XVII вв., то в существующей литературе анализу подверглись преимущественно источники о литературно-издательских связях, в частности рассматривалась деятельность на Украине в 70 — начале 80-х гг. XVI в. первопечатника Ивана Федорова²¹, по изучению источников о котором в 1972 г. автором было издано учебное пособие и ряд статей²². Поскольку пока отсутствует комплексное исследование источников по истории украинско-русских культурных связей, в данном пособии они не рассматриваются. Изучение культурных взаимосвязей двух братских народов представляется перспективной и актуальной задачей советских источниковедов.

Г л а в а I

ИСТОЧНИКИ О ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ МЕЖДУ УКРАИНОЙ И РОССИЕЙ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII в.

Сведения о торгово-экономических связях XVI — первой половины XVII в. между Украиной и Россией зафиксированы преимущественно в документальных источниках как украинского, так и русского происхождения.

Эти источники в целом имеют следующие особенности:

1) отсутствуют их компактные комплексы, в которых в концентрированном виде содержалась бы информация о торговых связях; таможенные книги пограничных украинских городов не сохранились; в дошедших до нашего времени некомплектных русских таможенных книгах этого периода сведения о торговле с Украиной не выделялись, а приезжающие с украинских земель купцы обычно назывались «черкасы», «литвины», «белорусцы», среди которых, конечно, были и украинцы;

2) основными источниками для изучения украинско-русской торговли являются акты магистратских и гродских судов, документы и переписка местных правительственных учреждений (порубежных русских воевод) и др.;

3) по форме фиксации информации сведения о торговых отношениях составляют две группы: прямые и косвенные. К

первым относятся воеводские отписки, памяти, реляции, отчеты, заявления, жалобы, фиксации торговых сделок, спорные дела, поручительства и т. п., ко вторым — завещания, инвентари, оценки товаров и др.

Значительные потенциальные возможности для выявления фактов по истории украинско-русских экономических взаимоотношений заключены в книгах судебно-административных учреждений украинских городов. Наибольшее количество сведений о торговле с Россией содержится в тех актовых книгах, которые имели дифференцированную структуру и функциональную специализацию¹. К ним относится комплекс книг львовского гродского суда и магистрата, в которых отдельно велись записи и протоколы совета и лавы, приходно-расходные (лонгерские) и гильдейские книги и др. Факты о торгово-экономических связях с Россией можно также обнаружить и среди актов других гродских судов — Луцкого, Владимирского, Кременецкого, Каменец-Подольского. Кроме судебно-административных книг, куда вносились публично-правовые и частно-правовые акты, сведения о связях с Россией находятся среди документов таких организаций мещанства, как братства, особенно Львовского Успенского, в составе инвентарей братского имущества, приходно-расходных и других финансовых книг.

Неоценимое значение для выявления такого рода информации имели бы документы таможен, действующих на востоке украинских земель. Как свидетельствуют официальные документы, в первой половине XVII в. в соответствии с сеймовой конституцией 1643 г. были учреждены таможни («коморы») в пограничных городах Украины: Нежине, Ромнах, Гадяче, Конотопе, Кременчуге, Батурине, Лоеве, Любече, Остре, Чернобыле, Чернигове, а также¹ в Киево-Печерском монастыре². Однако книги этих таможен не дошли до нашего времени, что привело к утере важнейшего канала информации для исследователей.

Русские источники по исследуемой тематике составляют три следующие разновидности:

1. Документы центральных органов Российского государства — приказов: царские указы и грамоты из приказов воеводам, разрядные записи и др.

2. Документы представителей местных административных органов Российского государства (воеводских канцелярий) — отписки порубежных воевод в Москву.

3. Русские таможенные книги.

В целом корпус документальных источников о русско-ук-

раинских экономических связях довольно обширен, хотя степень его представительности по регионам, различным направлениям и аспектам экономических взаимоотношений отличается неравномерностью как и соотношение публикаций и неизданных массивов источников или фасцикулов, отдельных документальных свидетельств³.

Такие источники опубликованы в незначительном количестве. В дореволюционное время только лишь несколько документов о торговле между Россией и Украиной, почерпнутых из украинских актовых книг, тогда хранившихся в КЦАДА (теперь в ЦГИА УССР), были введены в научный оборот путем публикаций или в форме регестов. И. Каманин и М. Истомин в сборнике материалов из КЦАДА в 1890 г. издали документ из Луцкой гродской книги 1561 г., сообщающий подробности о пребывании в Луцке (по пути на Балканский полуостров) русского купца, дипломата и путешественника В. И. Позняка⁴. Тем самым были расширены сведения об этом посольстве по публикации московских историков о «Хождении» Позняка и Иерусалим⁵. Только три факта за 1571, 1573 и 1576 гг. из луцких гродских книг о русско-украинской торговле были зафиксированы в опубликованных описях этих книг О. Левицким⁶. Лишь в трех случаях в опубликованных в АЮЗР описании Остерского замка (1552), люстрации Киевского воеводства (1570) и листе Сигизмунда-Августа городской раде Киева (1567) находятся сведения, что через Остер и Киев проходили торговые пути в Россию, по которым следовали купцы, и здесь с них взималось мыто⁷.

Значительно большим количеством фактов о русско-украинской торговле отмечаются такие дореволюционные публикации русских документов, как «Акты ЮЗР» (т. 3) и «Акты Московского государства» (АМГ) (т. 1, 2). В первом из этих изданий опубликована отписка путивльского воеводы (декабрь 1647) по челобитной 4 путивльцев — торговых людей, побывавших в «литовском» городе Миргородке⁸, а во втором — наказы и грамоты воеводам и их отписки, внесенные в 20—30-е гг. XVII в. в дела Московского стола Разрядного приказа с многочисленными свидетельствами о торговле русских купцов на Украине и приезде украинцев в Россию, факты о производственных связях ремесленников⁹. В АМГ по сравнению с другими дореволюционными изданиями археографов было опубликовано наибольшее количество источников о русско-украинской торговле.

Среди всех существующих публикаций источников по истории русско-украинских связей наибольшей репрезентатив-

ностью отличается изданный к 300-летию исторической Переяславской рады трехтомник «Воссоединение Украины с Россией», который до настоящего времени остается самым обстоятельным документальным изданием по этой проблематике. В I-м томе (1620—1647) помещены 30 документов о русско-украинских экономических связях, в том числе 26 впервые публикуемых¹⁰, а 4 документа явились археографическими повторениями¹¹. Архивная основа публикации источников об экономических связях представлена 28 документами ЦГАДА и лишь только двумя из архивных собраний Украины: тогдашнего Харьковского филиала ЦГИА СССР и Львовской научной библиотеки АН СССР¹². Большая часть документов ЦГАДА в этой группе представлена столбцами Посольского приказа из фонда «Сношения России с Польшей» — 18 позиций¹³ и один — из Приказных дел старых лет¹⁴, 9 документов почерпнуты из следующих столов Разрядного приказа: Московского (3), Белгородского (3), Денежного (2) и Приказного (1)¹⁵.

По происхождению, форме и разновидности актового формуляра эти документы разделяются на несколько групп: 1) отписки порубежных воевод по вопросам русско-украинской торговли — 16 позиций¹⁶; 2) приказная документация — грамоты из Посольского в другие приказы: Разрядный, Большого Дворца, грамоты воеводам из Посольского и Разрядного приказов, выписи из посольских записей и царских указов¹⁷; 3) отрывки из приходных книг белгородской и курской таможен 1646—1647 гг.¹⁸; 4) документы купцов и крестьян — их челобитные¹⁹.

В этих документах содержатся многочисленные сведения об организации, маршрутах и условиях торговли между Россией и Украиной.

Исключительно важное эвристическое значение поиска информации о различных проявлениях русско-украинских торгово-экономических и производственных связей имеют ссылки в I-м томе «Воссоединения...» в примечаниях на документы ЦГАДА Разрядного и Посольского (фонд «Сношения России с Польшей») приказов, которые не вошли в данную публикацию²⁰. Такой археографический прием создал большие потенциальные возможности для расширения источниковой базы последующих исследований и, на наш взгляд, за-

служивает апробации и дальнейшего распространения в советской эдиционной практике.

Дальнейшее расширение круга опубликованных источников о торговле между Россией и Украиной в канун Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. произошло в последнее время благодаря изданию в 1982 г. Институтом русского языка АН СССР в лингвистической серии «Памятники южновеликорусского наречия» 19 таможенных книг Денежного стола фонда 210 ЦГАДА—Разрядного приказа за 1615—1652 гг., в том числе 3 белгородских, 4 воронежских, 3 елецких, 7 курских и др.²¹ Эта публикация позволила выявить группу новых фактов по сравнению с помещенными в I-м томе «Воссоединения...» двумя фрагментами о торговле из белгородской и курской таможенных книг²².

В целом следует отметить, что источники русского происхождения о состоянии экономических связей с Украиной в XVI — первой половине XVII в. представлены официальными документами приказов, хранящимися в ЦГАДА. В них часто фиксировалась информация, поступавшая от приезжавших с Украины русских купцов («торговых людей», «гостей») и ремесленников, чиновников воеводских порубежных канцелярий и приказов (Посольского, Разрядного и др.), таможенников и др. Особого внимания заслуживают таможенные книги. В сохранившемся из их первоначального состава комплексе наибольшее количество фактов о торговле с Украиной содержится в записях курской таможни 1647 г. Данных о приезде купцов с Украины за предыдущий период не удалось обнаружить, что еще не может служить основанием для вывода об отсутствии таких фактов вообще. Сложность выявления в таможенных книгах информации по изучаемым вопросам заключается в том, что в них не всегда точно фиксировались названия местностей, откуда прибывали купцы. Так, в приходной книге белгородской таможни 1646 г. приезжавшие с Украины торговые люди назывались «литвинами» или «литвой» без какого-либо уточнения²³.

Наибольшее количество данных о купцах с Украины выявлено в книгах курской таможни. За период 1641 — 1642 гг. зафиксировано 5 записей, в 1646 г. — 11, в 1647 г. — 1; всего — 17. Названы семь городов Украины: Киев, Лубны, Гадяч, Ромны, Глухов, Луцк, Нежин²⁴, которые упоминались с различной частотой. Особенно часто (6 раз) отмечен приезд купцов из слободы Сосница²⁵, расположенной в Новгород-Северском уезде. Не исключено, что в ряде случаев наз-

вания местностей, откуда прибывали украинские купцы, не фиксировались.

Изучение таможенных записей позволяет установить ассортимент привозных товаров и направления их поступлений, а именно: лошадей из Нежина, Ромен, Лубен, Гадяча; соли — из Нежина и Киева; «литовских» шуб или «больших» шуб из Гадяча, Глухова; дегтя — из Глухова и Ромен; сухой рыбы — из Гадяча²⁶. Особо выделяется факт привоза в 1647 г. большой партии товаров «иноземцем города Луцка», который записан в таможенной книге под именем Артема Яковлева. Среди его товаров: «воз скляниц, два меха русачих, десять кохтанов литовских, восемнадцать папон, сто литр бумаги красной»²⁷.

Достоверность этих подлинных записей в таможенных книгах не вызывает сомнения. Можно полагать, что не все товары, привозимые с Украины, были внесены в эти книги и не каждый факт приезда фиксировался в них. О том, что купцы часто стремились обойти таможенные конторы и большие города, имеются прямые и достоверные указания в официальных донесениях представителей местной русской администрации. Так, в отписке в Разрядный приказ в 1621 г. путивльские воеводы Василий Туренин и Сергей Собакин сообщали, что «многие ...торговые люди из Рыльска и из иных городов теми полявыми дорогами ездят в Литву и из Литвы в Рылеск безпрестани... не заимывая Путивля» и жаловались, что им «немошна от тех полевых дорог»²⁸ осуществлять контроль за проезжающими купцами.

Вместе с тем и эта сохранившаяся в таможенных книгах информация позволяет частично установить перечень товаров, привозимых в Россию из украинских городов по крайней мере в 40-е гг. XVII в.

Кроме сведений о приезде торговых людей с Украины, в таможенных книгах фиксировалась выдача денежных субсидий «ис кобацких ис томоженных доходов» переселенцам с Украины — «черкасом» или «черкашенцам», переехавшим «на государево имя на вечную службу». В каждом отдельном случае делалась особая запись, во вводной части которой обязательно отмечалось, что деньги выдавались «по государеву... указу и по приказу» соответствующего воеводы. В белгородской таможенной книге только в марте 1646 г. зафиксированы 2 факта выдачи денег и продовольствия переселенцам с Украины²⁹.

Приведенные сведения являются свидетельством значительных информационных возможностей, которые содержат

в качестве источников о связях украинского мещанства с Россией финансовые книги такой разновидности. Таможенные книги — не единственные и полные источники о торговых связях между Украиной и Россией и не исчерпывают всей полноты многогранных аспектов этих связей.

Выяснение вопроса о степени адекватного отображения источниками реальной исторической действительности — содержания и форм проявления русско-украинских связей возможно с привлечением других разновидностей источников русского происхождения.

Как бы дополнением к сведениям таможенных книг о номенклатуре товаров, привозимых в Россию с Украины, является отписка белгородского воеводы А. Тургенева в Разрядный приказ (1635) с просьбой дать указания о размерах таможенных пошлин на скот, вина и другие предметы экспорта с Украины³⁰. Однако ответ из Москвы на этот вопрос неизвестен. Наличие его позволило бы получить в распоряжение исследователей достоверные и аутентичные сводные данные как о составе импорта с Украины, так и установить соотношение стоимости и ценности товаров.

Наиболее многочисленными и достоверными источниками по этой проблематике являются воеводские отписки в Посольский и Разрядный приказы. В них содержится существенная информация по различным аспектам проявления торговых и производственных связей.

Особенно важны для установления интенсивности и постоянства поездок украинских купцов в русские города воеводские отписки и посольские «памяти» с указанием отстроить ранее существовавшие или вновь построить для приезжавших «со всякими товары» купцов гостиные двory в ряде русских городов, в том числе в Брянске (1635), где такой двор был сооружен по «государеву указу» в 1620 г.³¹, а также в Белгороде (1638)³² и Курске (1639)³³. Ранее (в 1633 г.) факт существования в Севске гостинного двора для приезжающих украинских купцов установлен на основе памяти (1635) из Посольского приказа в приказ Большого дворца о необходимости его постройки на месте сгоревшего³⁴.

С другой стороны, свидетельством постоянности и традиционности приезда русских купцов является фиксация в магдебургских грамотах ряда украинских городов складов «русских товаров». Так, в грамоте Стародубу (1620) зафиксировано наличие двух гостиных домов, в том

числе выделен особый «на предместье для московских купцов». Аналогичная информация содержится в грамоте Нежину (1625): «Дом гостининный еден в месте для купцов з инших мест... приезжающих, а другой на передмест для купцев московских»³⁵. В грамоте Миргородку (1631) разрешалось иметь склад «товаров московских»³⁶. В Киеве согласно грамоте 1634 г. «юрисдикцией права майдебургского» было записано: «Отновляем и устанавливаем склад... в дому гостином ратушном всяких обще товаров, соли, сукон, футер ражных, кореня, полотен и товаров» в том числе «московских»³⁷.

В воеводских отписках содержится ряд свидетельств о приезде купцов с Украины в русские города: Вязьму, Калугу, Елец, Ливны, Курск, Белгород; Комарицкую волость; на Дон³⁸. В этих документах имелось разрешение украинским купцам торговать на посаде г. Воротынска, а также запрещалось взимать с них поборы сверх установленных пошлин³⁹.

Отписка белгородского воеводы Ф. Хилкова в Посольский приказ (1645) зафиксировала приезд в Белгород купцов из г. Ромны для продажи соли⁴⁰. Факт поездки украинских купцов из Гадяча в Белгород установлен в связи с ограблением их татарами, о чем доносил белгородский воевода П. Пожарский в грамоте (1639) чугуевскому воеводе П. Щетинину⁴¹.

Благодаря разрядным записям, в которые вносилась информация «о польских вестях», сообщаемая людьми, прибывшими из-за рубежа, сохранились также известия о приезде в Россию купцов с Украины. В двух таких записях 1632 г. имеются сообщения торговых людей Ивана Ляхова и Ивана Кулпина об их связях в Вязьме с приехавшим из Львова «торговым человеком с гречаниным Демьянком», названным «Львовец»⁴⁴.

В ряде приказных грамот нашла отражение политика поощрения и поддержки торговой деятельности украинских переселенцев на территории Русского государства. В декабре 1638 г. русскому воеводе И. В. Батурлину была направлена грамота из Разрядного приказа о разрешении украинцам, переселившимся из Чугуева и Корочи, беспошлинно торговать в Курске, а также русским купцам в Чугуеве разрешалось торговать различными товарами, включая «хлебные всякие запасы и всякое съестное, и животину, и на одежду платье, сделаное и неделаное», кроме вина и табака как заповедных товаров⁴³. Свидетельством того, что такое указание имело не локальный характер, а распространялось на значительную территорию, была помета на обороте ее списка о том, что направлена «такова ж грамота в Белгород, на Оскол»⁴⁴. Из

челобитной (1647) переселившихся в г. Валуйки украинцев о выдаче им годового денежного жалования за участие в походах вместе с донскими казаками против татар установлены сведения об их торговле хлебом на Дону⁴⁵.

Грамотой из Посольского приказа путивльскому воеводе Ю. Долгорукому давалось разрешение пропускать из Путивля на Дон «польских и литовских» купцов» для торговли хлебом, порохом и свинцом⁴⁶.

Поощрение и поддержка украинских купцов зафиксированы в официальных документах — грамотах из Посольского приказа вяземскому и воеводам других порубежных городов (1635) о разрешении украинским купцам торговать на посаде г. Вязьмы без взимания с них торговых сборов сверх установленных пошлин⁴⁷.

Из официальных русских источников явственно прослеживается факт, что в тех случаях, когда существовала опасность переноса эпидемических заболеваний и удавалось выяснить от надежных информаторов, что «в литовских городах мрут люди с голоду, а не моровым поветрием», воеводам в Путивль давалось предписание от имени царя Михаила Федоровича (1623): «И вы б литовских торговых людей за рубежа с товары и русских торговых людей за рубеж для торговли велели пропускати по-прежнему повольно»⁴⁸. Официальная установка русского правительства по организации торговли с приезжими купцами с Украины изложена в грамоте (1638) из Посольского приказа тульскому воеводе о разрешении им в соответствии с договором с Польшей вести торговлю только в порубежных городах⁴⁹. Такая территориальная регламентация торговли приезжавших в Россию купцов из Речи Посполитой практиковалась и ранее, свидетельством чего была отписка калужского воеводы Ф. Чулкова в Посольский приказ (1635) об отправке в пограничные города украинских купцов, приехавших в Калугу для торговли⁵⁰.

Сохранилась и выпись из посольской договорной записи и царских указов (1638) о правах украинских купцов на торговлю в пограничных городах различными товарами, за исключением вина и табака, а также оговаривались условия их приезда в Москву⁵¹.

Из воеводских отписок и приказной документации представляется возможным расширить сведения (по сравнению с таможенными книгами) об ассортименте предметов экспорта с Украины. Значительное внимание в этих документах уделялось фактам ввоза так называемых «заповедных товаров» — вина и табака, о запрещении торговать которыми неодно-

кратно и в категорической форме говорилось в официальных правительственных документах. О том, что случаи привоза таких товаров имели место, свидетельствуют многочисленные указы и наставления центральных органов власти русским порубежным воеводам. В наказе вяземским воеводам от имени царя Михаила Федоровича (1621) упоминалось, что в случае, если «литовские купцы учнут в Вязьму привозить вино горячее, и тех купцов с вином в город пустить не велеть их отсылать назад за рубеж»⁵². Постоянство позиции правительства в отношении «заповедных товаров» подтверждается отпиской полкового воеводы Н. Одоевского в Посольский приказ (1646) о высылке обратно купцов, приехавших с вином и табаком из г. Батурина; на этом документе была особая помета о соответствии данного указания «посольскому договору»⁵³ (Поляновскому и его пролонгации). Вместе с тем необходимо отметить, что ранее въезд купцов с вином разрешался при условии, что оно будет продаваться «на... государевы кабаки», а «самим им вина в чарки и в квартиры... продавать им не велено». Так это зафиксировано в отписке оставшегося воеводы М. Якушкина в Посольский приказ в 1635 г.⁵⁴

Запрещение ввоза «заповедных товаров» внесено в памяти из Разряда в Земский приказ (1647). По данным русского правительства, «с литовскими послами идут литовские купеческие многие люди, а с собою везут на продажу вино и табак много». В памяти предписывалось за покупку у купцов этих товаров «вешать без всякия пощады», о чем сообщить «в сотнях, слободах, харчевнях, банях всяким людям»⁵⁵.

Из русских правительственных документов устанавливается, что «заповедание» распространялось и на некоторые товары русского экспорта. В наказе вяземским воеводам (1621) от царя Михаила Федоровича помещена расширенная номенклатура «заповедных товаров», которые «вяземским всяким людям заказати ж... литовекиим купцом не продавали», а именно «меду, воску, мяса, рыбы и хлеба»⁵⁶, хотя эти ограничения, как явствует из воеводских отписок и других документов, на практике не соблюдались. В отписке севского воеводы Б. Кокорева в Разрядный приказ (1623) сообщалось о наказании двух «гулящих людей» за провоз из Севска в Новгород-Северский уезд заповедного товара — соли⁵⁷.

В русских документах находим сведения и о других местностях, куда часто приезжали украинские купцы. В некоторых источниках названа Комарицкая волость. Два таких документа датированы 1638 годом. Это отписка севского воеводы

П. Безобразова в Посольский приказ о приезде в эту волость украинцев «для хлебные покупки» в связи с голодом на Украине. В ней содержатся подробности о прибытии «литовских людей», которые «стояли наперед тово... в тайных местех» и ожидали «к себе от крестьян привозу с продажным хлебом»⁵⁸. Не вызывает сомнения достоверность свидетельства этого же воеводы о том, что «многим литовским людям розных городов... иных многих Комарицких сел и деревень крестьяне хлеб всякий, и мед, и воск, и иные товары продавали безпрестанно»⁵⁹. Примечательна помета о том, что эта грамота «государю чтена» и было принято решение: «А о хлебе за казу не чинить, а продавать велеть на торгу, а по деревням не продавать, чтоб государеве пошлине истери не было»⁶⁰.

Анализ отписок русских порубежных воевод в Москву в первой половине XVII в., как наиболее представительной по исследуемой проблематике разновидности источников русского происхождения, позволяет установить, что наибольшее количество зафиксированных фактов поездок русских купцов на Украину относится к 30-м гг. Из сообщений русских торговых людей после их возвращения в Россию в 1632 г. «в распросе» в соответствующих воеводских канцеляриях представляется возможным установить маршруты их поездок по Украине: путивльские торговые люди посетили Киев и были в «других литовских городех» (1632); рыльские торговые люди (Г. Сабеликов и другие) ездили в Переяслав, Яготин, Березань; Ф. Видин побывал в Киеве, Светилове, Нежине «и в иных розных в литовских городех», «за рубежем в литовских городех»: в Нежине, в Борзне; в Батурине — два других рыльских купца⁶¹. О таких поездках рыльских торговых людей имеются данные и в документах Чугуевской приказной избы 1639 г.⁶² Отписки севского (1632), брянского и торопецкого (1638) воевод в Посольский приказ, как и ряд других, содержат сведения о том, что многие купцы наряду с торговлей выполняли поручения политического характера — посылались для «проведывания вестей», бывали в Новгород-Северском, Баре и других городах.

Документальные источники свидетельствуют, что торгово-экономические отношения и взаимосвязи России с Украиной происходили в неблагоприятных условиях из-за помех и препятствий со стороны властей Речи Посполитой. Нередко купцы подвергались грабежу. Достоверные данные об этом устанавливаются путем анализа информации из ряда челобитных русских купцов о включении в «обидный список» жалобы на захват их товаров и денег киевским войтом и намест-

ником (1645)⁶³, жалобы на польских урядников и мытников, взимающих с них на Украине различные поборы сверх королевских пошлин (1647)⁶⁴, отписка путивльского воеводы Юрия Долгорукого о грабеже и изъятии миргородским урядником у четырех путивльских торговых людей товаров на 380 рублей⁶⁵.

Свидетельства таких препятствий находятся и в источниках польского происхождения, а именно: в универсале короля Владислава IV о запрещении вывоза селитры с Украины в Русское и другие государства, жалобах сборщиков и надзирателей северских таможен на королевских урядников за беспошлинный пропуск московских купцов⁶⁶. Сохранилась и переписка русского правительства с представителем польской администрации, украинским магнатом Адамом Кисилем, в которой фиксировались факты ограбления русских купцов в городах Украины князем И. Вишневецким и другими магнатами и шляхтичами⁶⁷.

Из украинских документальных источников о развитии торгово-экономических отношений с Россией выделяются материалы люстраций, ревизий и инвентарных описаний замков, городов и местечек, документы гродских и магистратских судов. Факты о торговле с Россией изложены в таких документах фискального характера, как люстрационные акты. В тех случаях, когда обследованные города были расположены не на трассах постоянных маршрутов русских купцов, то они могли и не отмечаться в документах такой разновидности.

В описании Остерского замка «за держаня пана Константина Ратомского» (1552) читаем, что «лета близко прошлого шел з Москвы до турок корован...»⁶⁸. В люстрации Киевского воеводства (1570) отмечено взимание «мыта, когда из Москвы или с других мест приходят купцы с товарами»⁶⁹. Примечательно, что в данном случае люстраторы называли только Москву, другие же местности не считали нужным выделять.

Наиболее полный перечень пограничных с Россией таможен и сведения о размерах таможенных податей находятся в записи акта львовского гродского суда (1643) обляты сеймового постановления «О коморах и прикоморках... от границ московских... к Валахии». В числе городов, где тогда находились таможни, назывались Ромны, Нежин, Чернигов, Котоп, Батурин, Лоев, Любеч, Чернобыль, Гадяч, Кременчуг, Остер и другие города, а также Киево-Печерский монастырь⁷⁰.

В официальных документах, содержащих сведения по таможенным вопросам и организации торговли, находятся об-

щие данные и конкретные факты о торговле с Россией. Эти документы вносились в судебно-административные книги, в том числе и в луцкие городские. К числу исследуемых записей относится дознание возного (1573) по делу о каменецких купцах-армянах, проехавших с московскими товарами все Подолье и часть Волини без таможенных пошлин и пропущенных из м. Полонного далее по распоряжению князя К. К. Острожского⁷¹. В другую луцкую книгу 1576 г. внесен универсал короля Стефана Батория о порядке взимания «мыта» с купцов, торговавших с Москвой⁷².

Свидетельством массовости и постоянства экономических связей между Украиной и Россией являются также официальные правительственные документы Великого княжества Литовского. Среди них достоверностью сообщаемых фактов о таких связях отличается «лист» Сигизмунда-Августа «войту, бурмистру и всем мещанам» Киева (1567) о том, что вопреки «заказу... купцы московские... с товары своими з скурами лосиными» приезжали в Киев и продавали их. В свою очередь, киевляне «также с товарами своими над заказ... до Путивля и до иных замков Московских еждчивали». Появление этого документа было результатом саботирования киевскими мещанами запрета на поездки в Россию в условиях Ливонской войны. Данная грамота является свидетельством продолжения торговых связей киевлян с Россией и в этих условиях: «а теперь деи по ому же вы» в Русское государство «ездете с товары своими, гандлюете и купчите»⁷³.

Отдельные доказательства постоянства торговли между Россией и Украиной содержатся и в эпистолярных памятниках. В письме старосты белзского Луки Жолкевского краковскому воеводе Станиславу Конецпольскому в июле 1636 г. отмечалось, что в условиях усиления движения казацких и крестьянских низов («черни»), опять «бунтующихся», русских «купцов есть везде немало по Украине»⁷⁴.

В городских книгах Украины зафиксированы известия о том, что через украинские земли проходила транзитная торговля между Россией и странами Западной Европы, Балканского полуострова и Турции. В луцкой городской книге 1571 г. был помещен королевский универсал «Ко всем князям, панам, урядникам и обывателям» о свободном пропуске турецких купцов, отправляемых с товарами в землю московскую, и «лист» шляхтичу Войтеху Трошке с приказанием сопровождать этих купцов в качестве вижа⁷⁵.

Большую информационную ценность представляют выявленные в процессе источникового поиска среди архивных дел,

отложившихся в фондах различных судебно-административных учреждений, свидетельства об одних и тех же лицах, участвующих в русско-украинской торговле.

К их числу относятся сведения о русском купце и одновременно дипломате Василие Ивановиче Познякове, почерпнутые из источников различного происхождения. В русских официальных источниках («Греческих делах» Посольского приказа) собраны документы о посылке В. Познякова⁷⁶ и архидиакона Геннадия на Ближний Восток — в Константинополь, Александрию и Антиохию — к восточным православным патриархам и об их возвращении в Россию в 1561 г. с рядом посланий — грамот от патриархов, один из которых писал, что Василий «сотворил труд и подвиг велик»⁷⁷. Из русских документов не представляется возможным установить точный маршрут его путешествия на Восток. Нет этих сведений и в его мемуарном сочинении дневникового типа «Хождение»⁷⁸. Поэтому важным моментом в источниковой эвристике явилось обнаружение автором в луцкой гродской книге сведений о пребывании В. И. Познякова на Волыни — жалоба (в феврале 1561 г.) этого купца, «князя великого Московского» на луцкого войта и «целника» И. Я. Борзобогатого, который «не дбаючи на лист» короля, полученный Позняковым в Вильнюсе в 1558 г. о безмытном проезде, задержал его в Луцке, допустил произвол и грабеж («Ку шкоди его приводил») ⁷⁹. Текст этой актовой записи издан неточно и неполно в конце XIX в. киевскими археографами⁸⁰.

Еще в большем количестве документальных источников сохранились данные о пребывании на Украине в 1640 — 1642 гг. в городах Нежине, Батурине, Киеве, Баре, Бродах, Буске, Константинове, Луцке, на крупнейшей в то время Ярославской ярмарке Ивана Степановича (Стефановича) Кадашевца (Кадашовца), «москвитина». Среди столбцов «Польских дел» Посольского приказа имеется собрание документов о торговой и государственной миссии этого купца, доставившего соболиные меха на большую сумму — свыше 8 тысяч рублей⁸¹. Более подробные сведения о пребывании Кадашевца на Украине почерпнуты из его жалобы, озаглавленной «Протест Стефановича», во Львовском гродском суде 1641 г., внесенную в соответствующую львовскую гродскую книгу⁸². Здесь же помещены выписки и из бусской гродской книги с его жалобой против «цельника мыт русских волынских»⁸³. Сравнение этих текстов позволяет установить время приезда купца на Украину — 1640 г. «с соболями и другими косматыми товарами как из царской казны ему поручеными, так

и его собственными»⁸⁴ и продолжительность пребывания его в разных украинских городах — на протяжении полутора лет⁸⁵. Имеется еще и третье документальное свидетельство (в книге записей львовского магистрата) об этом же «Иване Москвитине». В акте под заглавием «Свидетельство М. Пейсаховича» (1641), сборщика налогов, имеется сообщение львовского армянина Захария Поборецкого о приезде более года тому на ярославскую ярмарку «Ивана Москвитина» с соболями (68 сороков), которые он обменял на «шелковый товар»⁸⁶.

В записях магистрата г. Львова XVI — первой половины XVII в. — завещаниях, имущественных реестрах, контрактах, различных сделках, жалобах и других документальных материалах — содержатся многочисленные свидетельства о значительном спросе среди местных бюргеров на русские товары, особенно на пушнину и изделия из привозимых из России мехов — соболей, куниц, горностаев. На основании этих записей возможно установить цены на отдельные меха и меховые изделия, динамику колебания этих цен. Инвентарные описания имущества львовских бюргеров позволяют выявить ассортимент и степень распространения русских товаров, ведущее и первостепенное место среди которых занимают меха, преимущественно соболи. Названия мехов и изделий из них постоянно встречаются в инвентарях движимого имущества мещан, в том числе после их смерти. Они вносились в книги записей совета⁸⁷ и комиссии присяжных Львова⁸⁸. Такие меховые изделия были обнаружены и среди имущества Львовского Успенского братства⁸⁹. Наряду с соболями мехами в инвентарях и завещаниях мещан упоминаются (хотя и реже) изделия русского происхождения: домашняя утварь (серебряные и деревянные чары, ложки, миски, кувшины «московской работы»)⁹⁰, ткани, одежда («скатерти московские», ««платок московский», «рубашка московская вышитая», «московская тувальня» (полотенце), «табинка» и «гермак» московские и др.)⁹¹.

Чрезвычайно важными представляются записи во львовских магистратских книгах свидетельств современников и очевидцев о торговле и изготовлении изделий из русской пушнины. В этом отношении большое значение имеет официальное свидетельство в 1636 г. в совете («раде») г. Львова, с которым выступил представитель администрации — генеральный королевский возный Альберт Могильский, заявивший, что будучи послан от львовского совета для осмотра товаров на ярмарок св. Агнессы: «Видел... разных товаров очень много,

как волосских, турецких, московских, литовских и венгерских»⁹². Примечательно, что в спорном деле между цеховыми и внецеховыми меховщиками в 1639 г. со свидетельскими показаниями выступил тот же А. Могильский, отметивший, что на Галицком предместье во Львове велась оживленная торговля различными мехами (особенно соболями), называемыми «московским товаром»⁹³.

В 30—40-х гг. XVII в. львовские меховщики, желая сохранить монополию на изготовление изделий из мехов и торговлю «косматым товаром», привозимым преимущественно «из Москвы»⁹⁴, вели борьбу с внецеховыми ремесленниками. Такие жалобы, «Ординации» этого цеха часто встречаются в магистратских книгах. В «репротестации» (1639) цеховых меховщиков («кушнеров») (тогда их во Львове насчитывалось 50) высказано их требование, что поскольку «соболя являются выправленным товаром, они должны продаваться сороками и только мещанам или меховщикам и только львовским...»⁹⁵.

При установлении размеров цен на русские соболиные меха в первой половине XVII в. надежным источником служит их оценка, сделанная львовскими меховщиками в связи со спорным делом между купцами Ф. Лангишем и Д. Мелло в 1632 г.⁹⁶

Изучая вопрос об организации производственной деятельности и торговли меховщиков, важную информацию можно почерпнуть из официальных документов их цеха, утвержденных государственной властью. Среди них — «Ординация меховщиков» (шорников), утвержденная королевским декретом (распоряжением) в 1642 г., внесенным в книгу совета г. Львова. В ней названы соболя, горностаи, «попелицы», которых привозят «из Москвы» уже выправленными; их должны покупать на протяжении десяти дней у приезжих купцов — «гостей»⁹⁷, а не у перекупщиков. Таким образом, вновь подтверждалось «право склада», которым пользовался Львов как крупный торговый центр. В разъяснении Владислава IV меховщикам (1643) отмечалось, что привозятся меха «москвитинами» и купцами других национальностей⁹⁸. В «ординации» (1642) цеха меховщиков указаны источники поступления пушнины «из Москвы»⁹⁹.

Документы магистратских книг также содержат достоверную информацию для изучения русской транзитной торговли через посредство украинских городов и украинских купцов. Из Львова, крупного центра транзитной торговли, рус-

ские меха поступали в Западную Европу, Валахию, Молдавию, на Балканский полуостров, в Турцию.

В записях лавы г. Львова зафиксированы имена нескольких львовских купцов, специализирующихся во второй половине XVI в. на экспорте русских собольих мехов в польские города и за границу: в Италию, Нидерланды, Турцию. Благодаря внесению в соответствующие записи обязательств, спорных дел удалось установить эти имена и время их фиксации: Ян Зайглич (1551), Петр Панчман (1559—1560), Зебальд Айхингер (1555, 1557), Иероним (Ярош) Виттенбергер — «аптекарь» (1588), Гавриил Лангиш (1631, 1632)¹⁰⁰. Изучение записей во львовских магистратских актах второй половины XVI — первой половины XVII в. позволило установить фамилии львовских купцов, совершавших поездки в торговых целях в Москву. В 80-х гг. XVI в. торговыми посредниками между Москвой и Львовом были львовские купцы — грек Сава Федорович, армяне Христофор Хаирович, Мурат Михайлович, Яков Вартерис¹⁰¹.

На основании завещаний, поручательств, споров и других гражданских дел, внесенных в книги совета Львова, установлены факты поездок в Россию по торговым делам (в том числе и в начале XVII в.) мастеров ювелирного дела: Николая Седмирадского, Христофора Бирака, Сигизмунда Франковича, а также Фридриха Гросса¹⁰².

Львовские акты свидетельствуют, что из предметов русского экспорта, кроме пушных товаров, на украинских землях отмечалась торговля русскими кожевенными изделиями. Во львовской гродской книге 1610—1611 гг. находится текст привилегии львовским «убогим» торговцам 1591 г., по которому им разрешалось вести торговлю всякими «литовскими и московскими вещами», среди которых выделены «попруги, табинки и калиты всякие московские»¹⁰³.

Уникальной для изучения русско-украинских торговых связей является счетовая приходно-расходная книга купеческой гильдии Мельхиора Шольц-Вольфовича и Павла Боима, представителей львовских патрицианских родов, которые специализировались на торговле сукнами. Анализ записей в этой финансовой книге показал, что названные купцы занимались также куплей и перепродажей кож, привозимых из России. В книге имеется запись о том, что в сентябре 1600 г. представители этой гильдии купили на ярмарке в г. Луцке за 1,2 тысячи золотых 240 «пар юфти московской», уплатив за пару по 5 золотых. В книге зафиксирована покупка юфти и в другом волынском городе — Остроге¹⁰⁴. Можно полагать,

что такие операции проводились не единообразно, а затем эта кожа использовалась для изготовления обуви.

Во львовских судебно-административных книгах встречаются свидетельства о производственных, ремесленных русско-украинских связях. В книге совета Львова за 1616 г. имеются два акта с записью спорного дела между московским ювелиром Петром Кальпом и Андреем «Москвитинном», или «Смолянином» (из Смоленска) родом из русского села Дубровки, уничтоженного во время военных действий, — с одной стороны, и львовскими золотых дел мастерами — с другой. Из этих документов установлено, что Андрей был сначала в Смоленске учеником львовского ювелира Н. Седмирадского, а после переезда во Львов — учеником П. Кальпа. В актах отмечаются его старательность и способность к ювелирному ремеслу, однако львовские цехмистры отказывались принимать его в свой цех без предоставления свидетельства о рождении. Из-за упорного сопротивления цеховой верхушки было принято компромиссное решение разрешить русскому юноше заниматься ремеслом частным образом у П. Кальпа, который должен был записать его в книгу своей мастерской¹⁰⁵.

Анализ документальных источников различных разновидностей и происхождения позволяет убедиться в наличии прочной и достоверной источниковой базы для изучения экономических, преимущественно торговых, связей между украинскими и русскими землями, хотя и ощущается наличие больших и существенных искусственных (отсутствие многих таможенных книг и пропажа книг большинства городов Украины) и естественных (официально не фиксировался ряд поездок лиц, обходивших таможи, и др.) пробелов в источниках. Из-за отсутствия в Российском государстве практики ведения городских судебно-административных книг путем записей частных правовых актов не сохранилась информация о различных торговых сделках и данные об ассортименте и оценке ввозимых в Россию товаров.

Г л а в а II

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ УКРАИНСКО-РУССКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Ведущей и определяющей формой украинско-русских связей и взаимоотношений были политические. Их значение состояло в том, что они отобразили все возрастающее тяготение широких украинских народных масс к России, в процессе которого формировалась идейно-политическая платформа передовых общественных, культурных и религиозных дея-

телей Украины по вопросу о необходимости воссоединения Украины с Россией.

Украинско-русские политические взаимосвязи осуществлялись как по инициативе украинских политических, общественных, культурных, религиозных деятелей, официальных лиц, так и широких народных масс Украины и России. Политические связи братских народов поддерживались в различных формах и направлениях: обращения украинских деятелей братств к русскому правительству с предложением воссоединения Украины с Россией, сообщение ими сведений о политическом положении на Украине, фактов проявления социального и национально-религиозного угнетения со стороны шляхты, королевской администрации, католического и униатского духовенства; совместные боевые действия и союз донского и запорожского казачества против внутренних и внешних врагов, в особенности татаро-турецкой экспансии; поездки украинских мещан, представителей братств, православного духовенства в Россию; переселения на территорию Русского государства украинских крестьян, горожан, участников крестьянско-казацких восстаний.

Украинские архивные собрания по этой проблематике являются сравнительно менее репрезентативными, что объясняется рядом объективных обстоятельств. На протяжении столетий происходила естественная выборка документальных материалов, вследствие чего почти не сохранились архивы общественных, политических и культурных организаций украинских мещан — братств, кроме Львовского Успенского и частично отдельных документов Луцкого Крестовоздвиженского братств. Почти не сохранились до нашего времени в украинских архивохранилищах документы крестьянско-казацкой среды, повстанцев 90-х гг. XVI — 20—30-х гг. XVII в. (в распоряжении ученых имеется лишь небольшой фрагмент копии из «разноязычных, латинских и польских» рукописей бывшей императорской Публичной библиотеки в Петербурге (теперь — ГПБ) — кодекс, переписанный П. Кулишом¹). Беспокоясь о личной безопасности, украинские общественные и церковные деятели, установившие связи с Россией, не допускали фиксации политической информации (кроме оригиналов) в копиях, старались передавать сведения устно через своих посланцев в России. Вероятно, послания русскому правительству составлялись без копий. В актах судебно-административных книг не фиксировались поездки частных лиц в Россию, за исключением тех, когда путешественники добивались получения подорожных, проезжих грамот (как это

было при направлении депутации Львовского Успенского братства в Москву в конце XVI в.)².

Наиболее представительным в этом отношении является бережно сохраненный архив Львовского Успенского братства в составе ЦГИА УССР во Львове. В его составе имеется группа документов о поездке депутации братчиков в Москву в 1592 и 1593 гг.³, в том числе и оригинальные пергаменные грамоты, выданные русским правительством Львовскому братству.

Важным свидетельством стремления этого братства, выражавшего интересы и чаяния широких масс украинских горожан, упрочить связи с Россией являются документы братской депутации в Москву в 1592 г. Среди них выделяется послание братства царю Федору Ивановичу 15.VI 1592 г., созвучное по стилю и идейной направленности знаменитым предисловиям и послесловиям кириллических печатных книг, изданных в 70-х гг. во Львове И. Федоровым, который явился как бы живой связью между русским и украинским народами. Текст послания примечателен сформулированной мыслью о единстве и родстве украинского и русского народов: «...Паче же вездѣ обрѣтающимся от многоплеменитаго рода російскаго, от них же и мы обрѣтаемии во градѣ Львовѣ, духовнии, священници, дидаскали», которые себя назвали «род російскій»⁴.

Сохранившийся корпус братских документов свидетельствует также о намерении этого же братства направить повторно депутацию в Москву в следующем году. Обращение братства ко всем христианам «роду російского», датированное 27 мая 1593 г., повторяло дословно текст аналогичной грамоты 1592 г. с той лишь разницей, что назван другой состав депутации⁵. Свидетельством того, что братчики собирались совершить поездку в Москву в 1593 г., была проезжая грамота, выданная братским представителям, которые «едут в землю Московскую к светлейшему великому князю Московскому, а также к митрополитам, владыкам и другому духовенству, боярской раде и всем посполитым (простым) гражданам этой земли»⁶. Однако неизвестно, осуществилась ли эта новая поездка членов Львовского братства в Москву.

Имеется и еще один источник, зафиксировавший факт оказания русским правительством помощи братству, — изображение на куполе отстроенной Успенской церкви во Львове герба Российского государства с надписью: «Пресветлый царь и великий князь Моск России Федор Иванович бысть благодател церкви»⁷. В братском архиве находится большое

количество приходно-расходных книг и инвентарных описаний братского имущества с упоминанием связей братчиков с русскими людьми, преимущественно дипломатами⁸, часто находившимися во Львове в середине и во второй половине XVII в. и выступавшими в защиту православного населения Речи Посполитой, о чем свидетельствуют статейные списки и отписки русских резидентов (полномочных представителей) в Польше в Посольский приказ⁹.

Сохранились документальные известия и о связях с Россией в 20-х гг. другого братства — Киевского Богоявленского, возникшего около 1615 г.¹⁰

Наибольшее количество сведений об украинско-русских политических связях содержится в **книгах и столбцах приказов Российского государства**.

Документальные источники о связях Украины с Россией составляют следующие разновидности: отписки — воеводские, войсковые (донских казаков), представителей местной администрации, русских порубежных воевод представителям польской администрации; приказная документация — грамоты из приказов Разрядного и Посольского, памяти из приказов Посольского и Большого Дворца, докладные выписи (или выписи в доклад) из дел Разрядного приказа, о переселенцах, о выдаче им материальных субсидий; царские грамоты, указы и наказы, проезжие, выездные и жалованные грамоты; «расспросные речи» и «вести», сообщаемые представителями русской администрации приезжающим и переселившимся в Россию украинцам; вестовые списки; росписи переселенцев; челобитные; поручные взаимные записи украинцев, переселившихся в Россию «на вечное житье», с просьбой о выдаче им жалованья, амуниции, пропитания, наделения землей, разрешения заниматься промыслами, принятии их на государственную службу.

Чаще других фиксировались факты о связях с Украиной в документах Посольского приказа об отношениях России с иностранными государствами в частности в фондах «Сношения России с Польшей» («Польские дела»), «Сношения России со странами Балканского полуострова и Ближнего Востока» («Греческие дела»), и соединенных с ним приказов по внутреннему управлению — «Малороссийские дела», «Приказные дела старых лет», «Донские дела». Кроме «Донских дел», документы о политических связях России и Украины (до 20-х гг. XVII в.) остаются неизданными. Из других приказов, в документах которых сохранились известия о связях с Украиной, выделяются книги и столбцы различных столов Разрядного

приказа — Московского, Белгородского, Севского, Путивльского и других, ведавших служилыми людьми, управлением южными «порубежными», или «украинными» городами и уездами.

«Греческие» и «Польские дела» — сложные источники, состоящие из различных документов, охватывающие нередко значительный промежуток времени. В них фиксировались донесения русских порубежных воевод (преимущественно из Путивля) о приезжающих с Украины людях, их имена, место жительства, род занятий, цели приезда. Все эти сведения, получаемые в «распросах», направлялись затем в Москву, в Посольский приказ. Когда на донесения о приезжавших поступал правительственный приказ с разрешением пропустить их в Москву, они немедленно отправлялись в сопровождении детей боярских, им выдавали продовольствие. В делах сохранились документы о пребывании в Москве лиц, приезжающих с Украины, содержании бесед с ними в Посольском приказе, изложение их просьб.

Отражая все возрастающие тяготение к России широких народных масс Украины, их насущные чаяния, украинские посланцы привозили грамоты — «листы» от украинских общественных и политических деятелей с заявлением о необходимости воссоединения Украины с Россией, получали от них «словесной изустный приказ», информировали русских воевод в Путивле и Посольский приказ в Москве о тяжелом положении украинского народа под польско-шляхетским игом, сообщали «вести» о событиях на Украине, в Польше, соседних странах, беседовали с представителями русской администрации и дипломатии «о государевых делах тайно», просили русское правительство о защите от национально-религиозного угнетения.

В дела помещались копии выдаваемых приезжавшим жалованных грамот на беспрепятственный проезд их в Россию, перечислялись выделяемые им средства — материальная помощь деньгами, пушниной (собоями, куницами и др.), книги московской печати, церковная утварь, произведения русского искусства и др. Одно уже пребывание украинских деятелей в Москве, предоставление им помощи со стороны русского правительства приобретало определенный политический резонанс. Русское правительство оказывало украинским представителям не только материальную, но и политическую поддержку, выступая против национально-религиозного угнетения православных в Речи Посполитой, брало их под свою защиту.

Изучение документов Посольского приказа исследуемого периода позволяет установить не только конкретные проявления русско-украинских взаимосвязей, но и важные факты и обстоятельства, характеризующие положение на Украине, происходившие там военные и политические события, развертывание крестьянско-казацких восстаний 20—30-х гг. XVII в. В столбцах Разрядного приказа первой половины XVII в. сохранились многочисленные сведения о переселенцах с Украины, их жизни в порубежных областях Российского государства. Спасаясь от репрессий польско-шляхетских войск, крестьяне, горожане, казаки переселялись в бассейн Дона, Донца, Ворсклы, на Белгородщину и Слобожанщину, находившиеся под юрисдикцией Белгородского полка, подчиненного Разрядному приказу. Поэтому в документах Белгородского стола зафиксировано большое количество разнообразных известий, фактов о жизни украинских поселенцев на этой территории. В составе Белгородского стола сохранились 201 книга за 1600—1708 гг. и 1911 столбцов за 1599—1702 гг.

Особенно много разнообразных сведений о положении и жизни украинцев, переселившихся в Белгород, Путивль, Валуйки, Ливны, Курск, Корочу, Карачаев, Рязань, Воронеж, и другие русские города, находится в ряде столбцов Белгородского стола (№ 108, 133, 138, 140, 168, 231) за 1639—1647 гг., что является несомненным свидетельством не только увеличения числа переселений с Украины в данный период, но и увеличения в приказной документации удельного веса дел о переселенцах, а это, в свою очередь, явилось показателем роста экономической и социальной активности этой категории населения.

Кроме того, среди документов Посольского приказа имеется большое количество сложных комплексных дел о приезде в Россию (обычно в Путивль) украинских деятелей. В их составе воеводские отписки в Посольский приказ, царские указы и грамоты о выдаче приезжающим материальных субсидий, книг, а также сообщаемые ими «вести». В этих делах дошли до наших дней тексты привозимых украинцами грамот, посланий, челобитных; докладные и приказные выписи, а в случае их приезда в Москву — записи в Посольском приказе о пребывании в русской столице, приеме их, выдаче жалованья, привилегий на приезд с определенной периодичностью в Русское государство, проезжих грамот и др. Более влиятельные организации, братства, монастыри получали особые жалованные грамоты от русского

правительства на проезд в Русское государство без указания времени или в третий, пятый, седьмой год¹¹.

Сохранился документ (дошедший до нашего времени без начала) — отписка путивльских воевод (май 1625) в Москву о выдаче жалованья приезжавшим с Украины лицам: «Довати в Путивле корм иноземцом литовским людем переезчиком и... выходцом и греческим и литовским чорным старцом, которые ездят Путивль..., к Москве для милотины и с Москвы назад в свою землю. А... жаловане велено довати ис Путивльских же изо всяких доходов, а пите... иноземцом по... государеву указу велено... доват с Путивльского кобака»¹².

Начало поездок украинских общественных и культурных деятелей в Россию за помощью и поддержкой относится к 90-м гг. XVI в. (инициативу установления таких связей проявило Львовское Успенское братство), систематическими такие путешествия становятся в 20-е гг. XVII в.

Проведенное сплошное обследование столбцов и книг трех фондов Посольского приказа — «Греческих», «Малороссийских» и «Польских» дел, а также публикаций — позволило выявить 42 комплексных дела о поездках украинских деятелей в Россию в первой половине XVII в. Они охватывают 1622—1646 гг. Особой репрезентативностью информации отличаются «Греческие дела» (25 фактов фиксации).

Анализ состава этих дел позволяет установить довольно широкую территориальную представительность местностей, откуда прибывали украинцы, среди которых были жители Киева, Львова, Луцка, Дермани, Острога, Корца, Степани, Унева, Прилук, Лубен, Любара, Чуднова, Четвертни, Терехтемирова, Борщева (на Закарпатьи) и др. Среди них выделяется проезд в Россию представителей Киевского братства (1625, 1626), украинского писателя-полемиста Лаврентия-Зизания Тустановского (1626), Луцкого и Брестского епископа Исакия Борисовича (1624), Владимирского и Брестского епископа Иосифа Курцевича (1625), принявшего русское подданство¹³. Из дел об их приезде устанавливается, что они зачастую были представителями влиятельных деятелей, которые остались на Украине. Таким образом, информационное значение документов о приезде в Россию этих лиц значительно шире.

То обстоятельство, что среди приезжавших в Путивль с Украины значительный удельный вес составляли представители православного духовенства, объясняется тем фактом, что в условиях усилившейся экспансии шляхетской Речи Пос-

политой в Восточной Европе духовным лицам было легче легальным путем совершать такие поездки (прошение о «милостыни», материальных субсидиях и др.), хотя почти все их миссии имели скрытый политический характер, сопровождались сообщением русским властям «вестей» о положении и событиях на Украине, информацией о настроениях в народе. По определению Ф. Энгельса, политический протест, социальная борьба в средневековьи принимали нередко религиозную оболочку, это «объясняется не свойствами человеческого сердца и не религиозной потребностью человека..., но всей предыдущей историей средних веков, знавших только одну форму идеологии: религию и теологию»¹⁴. Поскольку «чувства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей», чтобы «вызвать бурное движение, необходимое было собственным интересам масс, представлять им в религиозной одежде»¹⁵.

В составе комплексных дел о приезде украинцев находятся послания — «листы» от передовых представителей освободительного движения на Украине русскому правительству. В них приводились факты социального и национального угнетения народа, о действиях шляхетских властей, направленных на подавление освободительных движений, отмечалось стремление к воссоединению с Россией.

Среди документов первой половины XVII в. о приезде в Россию украинских деятелей зафиксирован ряд посланий и устных поручений для передачи русскому правительству от видных представителей передовой общественной мысли, сторонников единения украинского и русского народов, воссоединения Украины с Россией. Для установления политического характера таких миссий значительную информационную ценность представляет привлечение отписок русских воевод в Москву с изложением содержания устных сообщений посланцев этих деятелей и их «вестей».

Из дела о приезде из Лубен посланцев перемышльского епископа, соратника известного украинского общественного и культурного деятеля Иова Борецкого Исаии Копинского (1622) явствует, что он не решался изложить в письме политические вопросы и поручил своему «посланцови» в Москве «усне реши и беседовати...»¹⁶.

Содержание таких «решей» можно установить, в частности, из отписки путивльских воевод в Москву в декабре 1622 г. Лубенские представители сообщали, что Копинский «втайне... велел... в Путивле сказать, что крестьяном от поляков утиснення» и просил дать разрешение на их переселе-

ние в Россию. В заключительной ее части отмечалось возросшее тяготение к России различных слоев украинского народа: «Да и все де... православные крестьяне и запорожские козаки, как им от поляков утешенья будет, многия хотят» переходить в русское подданство¹⁷. Таким образом, основываясь на данных документальных свидетельствах, можно сделать вывод, что Копинский заручился поддержкой широких кругов общественности, отражая их настроения и чаяния. В следующем 1623 г. два других представителя Копинского из Дерманского монастыря — игумен Рафаил Жиморский и диакон Исакий, переселившиеся в Россию «на государево имя», привезли два «листа» от него царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу, сообщив при этом важные сведения о готовности запорожского казачества к борьбе против шляхетского господства и активизации деятельности униатов¹⁸. Известен факт приезда его посланцев из Прилук и Лубен с письмами в 1625 г.¹⁹

Выделяется обширное дело (состоит из 102 листов) о приезде в Россию в августе 1624 г. Исакия Борисковича, активного сторонника воссоединения Украины с Россией, видного церковного и политического деятеля, близкого соратника И. Борецкого, от которого привез в Москву три «листа»²⁰. В этих документах упоминается запорожское казачество («воинства черкасских молодцов»), активно боровшееся против наступления католиков и униатов²¹. Через все послание красной нитью проводится идея о роли Российского государства в судьбах восточнославянских народов²².

И. Борецкий воспользовался также услугами видного украинского писателя-полемиста Лаврентия-Зизания Тустановского, который, кроме литературно-издательской миссии в 1626 г. в Москву²³, выполнил и определенные политические функции. В его письме царю и патриарху (1.VII 1626) упоминается просьба разрешить ему «сказати... тайну царскую»²⁴.

В делах Посольского приказа нашли отражение связи с Россией и Иеремии Тисаровского, в 1608—1641 гг. львовского и галицкого православного епископа, бывшим на протяжении ряда лет единственным высшим православным иерархом на Украине. Сравнение его совместного с галицким игуменом Гедеоном Заплатинским (1625) послания в Москву с текстами писем от других сторонников воссоединения Украины с Россией (И. Копинского, И. Борецкого) позволяет установить их идейную, концептуальную общность. Примечательны как факт обращения западноукраинских деятелей к русскому правительству, так и форма информации его о по-

ложении на Украине: «Ознаймуемо ваше царское и господарское милости о нестроению барзо великом в земли нашей от супостатов ляхов...»²⁵; одновременно высказывалась мысль о том, что единственная надежда была на помощь России, не имея «не от кол жадного ратунку и вспоможения»²⁶.

Кроме официальных посланий украинских деятелей в Москву, ими передавалась и доверительная устная информация, содержание которой зачастую не фиксировалось в документах приказов, и встречаются только общие упоминания об этом. Посланец Тисаровского и Заплатинского Спиридон 17.X 1625 г. заявил, что «за ним есть... государево дело великое», что подтверждалось и в отписке путивльских воевод («за ним есть... государево дело») ²⁷.

Обширное дело (300 листов текста) образовалось в связи с приездом в 1626 г. в Россию «на государево имя» владимирского и брестского епископа Иосифа Курцевича «с людьми своими» — большой группой «мирян», всего 50 человек «литовских людей»²⁸. Свидетельством доверия к Курцевичу в правительственных кругах явилось назначение его на ответственный пост суздальского архиепископа. В дальнейшем к нему приезжали многие украинцы с «листами», что фиксировалось в воеводских отписках и приказной документации²⁹. Таким образом, обосновавшиеся в России украинские деятели, в свою очередь, содействовали дальнейшему развитию связей Украины с Россией.

Сложность изучения отдельных аспектов украинско-русских политических взаимосвязей и отношений вызвана тем, что в ряде случаев послания («листы») украинских деятелей русскому правительству не сохранились не только в оригиналах, но даже и в посольских записях. В результате этого возникли различные интерпретации характера таких политических миссий. Это относится, в частности, к посольству от запорожского гетмана П. Конашевича-Сагайдачного в Москву в 1620 г. во главе с П. Одинцом. Грамота Сагайдачного не выявлена, хотя в составе Малороссийских дел Посольского приказа хранится большой комплекс документальных материалов о миссии Оди́нца в Москве: запись Посольского приказа о приеме посланцев Сагайдачного в Москве и их сообщения, память из Посольского приказа в Казенный приказ о выдаче подарков послам войска запорожского, царская грамота П. Сагайдачному и всему войску Запорожскому, наказ думным дьякам о порядке отпуска послов Сагайдачного и выдаче им «жалованья»³⁰. В посольской записи переданы слова Оди́нца о прибытии его в Россию «ото всего Запорожского

войска с крымскими языки» после удачного похода на Перекоп³¹. Одинец еще раз в ходе беседы с русскими представителями заявил, что казаки «всеми головами своими хотят служить его царскому величеству и его царские милости к себе ныне и вперед искать хотят»³².

Производя оценку этой миссии в целом, обращает на себя внимание то обстоятельство, что в предложениях, исходящих от Сагайдачного как представителя казацкой старшины, занимавшей соглашательскую позицию с польской шляхтой и правительством Речи Посполитой, речь шла только о борьбе против Крымского ханства, другие же вопросы не ставились. Примечательно, что на вопрос думного дьяка И. Грамотина: «На их веру от них (католиков и правительства Речи Посполитой. — Н. К.) какова посяганья нету ль?» последовал ответ: «И черкасы говорили: посяганья на них от польского короля никоторо не бывало»³³.

Ряд советских историков (А. К. Касименко, И. Д. Бойко, авторы предисловия к трехтомнику документов об Освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.³⁴) утверждали, что это посольство якобы свидетельствует об изменении политической ориентации Сагайдачного, который поэтому тогда и обратился с просьбой о принятии запорожского войска в русское подданство. Такая версия была справедливо взята под сомнение еще в 1958 г. В. Д. Королуком³⁵. В действительности, русское правительство, в отличие от его позиций по отношению к другим украинским деятелям (И. Копинскому, И. Борецкому и др.), не проявляло доверия к Сагайдачному: в грамоте путивльским воеводам, которая не была включена в публикацию «Воссоединение...» (т. 1), правительство сделало им выговор за то, что они «запорожских черкас посланцы Петр Одинец с товарищи 15 человек» «тех черкас отпустили... (в Москву — Н. К.) не даждався... указу»³⁶. В грамоте Сагайдачному не содержится сведений о предложении гетмана по вопросу перехода запорожцев под власть Российского государства, а лишь говорится о предоставлении им субсидий: было выдано «лехкое... жалованье 300 рублев денег»³⁷. Таким образом, русское правительство, как это было и раньше³⁸, посылало запорожцам жалованье. Что касается похода в Крым, то в грамоте содержалось категорическое запрещение такой военной акции в данное время³⁹.

Хотя не сохранились и грамоты послов запорожских казаков в Москву в феврале 1625 г. Ивана Гири и еще других 12 казаков, приехавших в Путивль «из Литовские земли», а есть лишь отписка путивльских воевод в Посольский приказ,

из этого текста можно установить, что послал этих казаков «из Запорог гетман запорожской Колёник Ондреев и все Войска Запорозское... з грамотою»⁴⁰. Примечательно, что они «грамоты... им (воеводам. — Н. К.) ...не показали, и что в грамоте писано, таво де оне, козаки, сказали не ведоют» и просили их не мешкая «отпустить ис Путивля к... Москве вскоре»⁴¹. Данная миссия казаков состояла, как явствует из этой отписки, в получении у русского правительства поддержки претендента на турецкий престол А. Ахии, на что русское правительство не пошло. В деле о приезде Гири в Путивль имеется большое количество информации о положении на Украине, связях И. Борецкого с запорожцами, о поддержке нерестровыми казаками борьбы киевских мещан против униатов и патрицианской верхушки во главе с войтом Федором Ходыкой⁴², что было важным свидетельством классового союза казацких и городских низов в их совместной антифеодальной, освободительной борьбе.

Кроме комплексных дел, для изучения истории украинско-русских связей большое информационное значение имеют **воеводские отписки**, направляемые преимущественно в Посольский приказ, о приезжавших с Украины. В них сообщались также сведения о военно-политическом положении на Украине, событиях крестьянско-казацких движений — «вести»; фиксировались «расспросные речи», высказывалось стремление широких слоев украинского народа к воссоединению с Россией. Таким образом, эти сложные по составу источники по существу представляли собой сочетание трех разновидностей документов — собственно отписок, «вестей» и «расспросных речей».

Воеводские отписки⁴³ — наиболее распространенная и массовая разновидность приказной документации. Приведенный их подсчет, главным образом уже введенных в научный оборот в документальных публикациях, и, в первую очередь, в сборнике «Воссоединение Украины с Россией» (т. 1), в Актах ЮЗР, АМГ, а также имеющихся в «Греческих», «Малороссийских» и «Польских делах» Посольского приказа о приезде в Россию различных лиц с Украины, позволяет сделать вывод, что большинство составляют отписки путивльских воевод.

Анализ состава воеводских отписок в наиболее представительной в этом отношении публикации — сборнике «Воссоединение...» позволяет дифференцированно выявить степень их репрезентативности — территориальную, временную и тематическую. Так, из 56 отписок 26 — были отписками путивльских воевод, по 6 — севских и воронежских, по 3 —

рыльских и белгородских, 2 астраханских, по одной — валуйских, царицынских, яблоновских, ливенских, кромских, орловских, чугуевских, вологодских, оскольских⁴⁴. Хронологические рамки данной публикации — 1621—1647 гг., а в этих пределах отсутствуют отписки по данной проблематике за 1623—1624, 1626, 1628, 1629, 1634, 1642—1643, 1647 гг., минимальное их количество (по одной) приходится на следующие годы: 1621, 1622, 1627, 1633, 1636, 1641, 1644, 1645, по две — за 1635, 1637, 1640, 1646 гг. Наблюдается заметное увеличение (синхронно) количества отписок о приезде с Украины крестьян, казаков, мещан в годы крестьянско-казацких восстаний: максимум — 1638 г. (14 позиций), затем следует 1639 г. (6 позиций), 1630 г. — 3, 1632 — 5. В эти годы происходили массовые переселения украинских крестьян и казаков в пределы Русского государства.

Тематически (по содержанию) отписки могут быть объединены в следующие группы:

1. Отписки, свидетельствующие о стремлении украинского народа к воссоединению с Россией.

2. Документы о переселенцах — украинских крестьянах, казаках, мещанах и других группах населения на территорию Российского государства, об их устройстве, предоставлении земельных участков, пропитания, принятии на воинскую службу.

3. Сведения о политическом положении и событиях на Украине, крестьянско-казацких восстаниях, борьбе против татаро-турецкой экспансии.

Особо выделяем документы о совместной борьбе донских и запорожских казаков с привлечением всего комплекса документальных источников, включая воеводские отписки.

В воеводских отписках, по сведениям русских (путивльцев, севцев, рыльцев и др.) и украинцев (черниговцев, запорожских казаков и др.), нашло отражение усилившееся с 20-х гг. XVII в. желание широких слоев украинцев перейти в русское подданство. В частности, еще в 1621 г. путивльские воеводы, по данным своих информаторов, побывавших на Украине, сообщали в Москву: «А позасесть... города хотят бить челом... государю, чтоб им... служить... государю... Михаилу Федоровичю всеа Руси... А черкасы... и... в Киеве многие люди, только де у козаков с поляки учинитца бой, и поляк не осилеют, и ис Киева... и из них, козаков, хотят многие люди быть в Путивль з животы и статки, а наперед... от них будут о том... посланцы» к русскому правительству⁴⁵. Эти сведения вполне достоверны и совпадают с последующими

посольствами в Россию от украинских деятелей. В отписке севских воевод (июль 1625), по сообщениям украинских крестьян, переселенцев в Россию из Новгород-Северского уезда, «запороские... черкасы все хотят переехати на... государево... имя»⁴⁶.

В ряде случаев в документах представителей русской администрации данные о времени и количестве украинских переселенцев в Россию отличаются точностью и подтверждаются документами другой разновидности, что усиливает их доказательность.

Таким, в частности, является зафиксированный в отписке в Москву белгородского воеводы Ф. Хилкова факт прибытия 22.IV 1646 г. в Белгород «из литовские стороны» — из Бобрика, Гадяча и других «розных городков черкас 68 человек», заявивших, что «оне пришли... государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всея Руси служить». Примечательно, что они просили «отпустить их рекою Донцом на Дон к донским казакам или на Воронеж к Ждану Кондыреву», который, действительно, возглавлял русские войска, направляемые в поход в Крым. В этой же отписке содержится важная информация, сообщенная этими же украинскими переселенцами, о том, что «собралось в литовской стороне из розных городов черкас тысяч с пять и стоят в собрание. А только будет им... государево денежное жалованья, и те... черкасы хотят из литовские стороны итти... государю с жить»⁴⁷. В ответ на помещенную в конце данной отписки просьбу, обращенную к правительству «государев указ учинить»⁴⁸, 4 мая последовала царская грамота Кондыреву о выдаче названным 68 «черкасом» жалованья с повелением им «быть на Дону с нашими вольными людьми»⁴⁹ — еще одно свидетельство оказания русским правительством содействия украинским переселенцам.

Установить количественный состав переселенцев помогают приложения к воеводским отпискам. Так, к отписке (ноябрь 1632) рыльского воеводы В. Ромодановского в Разрядный приказ о выезде из Новгород-Северского уезда в русское подданство «из розных сел и деревень» крестьян з женами, детьми «и з животы»⁵⁰ приложен именной список переселенцев из сел и деревень этого уезда: Крупца, Гириной, Стариковой, Кучуровки⁵¹.

Изучить масштабы переселений украинцев как постоянного процесса возможно с использованием сведений, почерпнутых из официального документа, который озаглавлен «Государева грамота из Разряду», присланная в Путивль 10.IV

1636 г. за подписью дьяка Г. Ларионова. Текст ее воспроизведен в отписке путивльского воеводы Н. Плещеева в Разрядный приказ в июле 1638 г. Это своеобразная инструкция, в которой отмечается, что «из литовские стороны литовские люди или черкасы... многие идут в Путивль на... государево имя на вечную службу... человек по 50 и 100 и 200 и больше». Чтобы не нарушить «мирное постановление и вечное докончанье» с Польшей и Литвой, грамотой воеводам разрешалось принимать в Путивле «литовских людей или черкас» не всех сразу, а «порозно по человеку или по 2, или по 3, и по 5, и по шти, и по 10-ти с женами, семьянистые и прожиточные люди», с предоставлением им «корма» «ис путивльских доходов, смотря по людем»⁵².

По прибытии большого количества переселенцев с Украины воеводы обращались в Москву за соответствующим наказом с разрешением принять этих людей «на государево имя» и получали согласие. Поэтому чрезвычайно важны имеющиеся на некоторых отписках пометы с фиксацией правительственных решений по таким вопросам.

В отписке в Разрядный приказ яблоновского воеводы Д. Львова (июнь 1638) сообщалось, что, по сведениям белгородского станичника Семена Ушакова, 11.VI 1638 г. пришли к Белгороду «из литовских городов черкас тысячи с четьре и больше на... государево... имя» с просьбой поселения их в «государев новой Красный город на Корочю». Помета Разрядного приказа фиксировала решение «принимати в стрельцы, и в казаки, и в пушкарки», выдать им жалованье, «да и то досмотрити, чтоб дворы строили и пашню пахали»⁵³.

Заметно совпадение по времени обращения запорожского казачества, представляющего широкие круги восставших, к рускому правительству за помощью и с выражением повсеместного желания перейти в русское подданство с заключительными этапами крестьянско-казацких восстаний и после их подавления, когда происходил разгул польско-шляхетского террора на землях Украины. Сведения о намерениях восставших украинцев переселиться в Россию сообщали русским воеводам приезжающие в Россию посланцы видных политических деятелей, в частности И. Борецкого, И. Копинского и других, безусловно, пользовавшихся большим политическим доверием и авторитетом в широких слоях украинского народа как сторонники дружбы и единения украинского и русского народов.

Намерение крестьянско-казацких низов, «выписчиков» (не вошедших в казацкий реестр) обратиться за военной по-

мощью к русскому правительству в борьбе против шляхетских войск отмечено в отписке путивльских воевод в Москву (декабрь 1625). Эту информацию они получили с Украины через посланца И. Борецкого — священника Филиппа: «А которых... людей от козачества отставливают, и те козаки все мыслят посылати бить челом... царю... Михаилу Федоровичю всеа Руси», чтобы «помочь учинить своими государевыми людьми на поляков. И оне де, козаки, станут служить... государю, и города литовские станут очищать в... государево имя...»⁵⁴.

Такое же обращение 9.VIII 1630 г., то есть в год нового крестьянско-казацкого восстания под руководством Т. Федоровича («Трясило»), было направлено через посланцев И. Борецкого — его сына Андрея и племянника Павла Княжицкого — во время их поездки в Россию. Информация об этом — в отписке путивльских воевод, где значилось, что если на восставших «опять... придут польские люди войною, а их де мочи не будет против поляков стоять, и они... хотят бить челом... государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси», чтобы он «пожаловал их велел им быть в своем государеве повеленье...»⁵⁵.

Особенность таких известий состоит в том, что в документах, откуда они почерпнуты, не упоминались имена конкретных лиц и даже более определенный их круг, вероятно, чтобы не допустить репрессий по отношению к ним со стороны шляхетско-католических властей. Остались известны лишь имена их доверенных представителей и посланцев, которые информировали русскую администрацию на местах и в центре о стремлении широких кругов украинского народа к воссоединению с Россией. Эти обращения в сочетании с документами других разновидностей позволяют выявить определенную систему и постоянство таких политических акций, отражавших реальные общественные явления и процессы. В их основе было возрастание тяготения народных масс Украины к России.

Особую разновидность источников, отложившихся в собрании документов русских приказов и вместе с тем являющихся несколько трансформированными свидетельствами очевидцев, приехавших с Украины, составляют **«расспросные речи»**. Они записывались в съезжих избах порубежных воеводских канцелярий, в Посольском и Разрядном приказах в Москве.

В отдельных «расспросных речах» украинских переселенцев в Россию содержится информация о месте их первоначального жительства на Украине, происхождение, участие в «казац-

кой службе», семейное положение, перечень ближайших родственников, с которыми они переселились, подробности о борьбе с польско-шляхетскими войсками.

Значительное количество такого рода сведений находится в «расспросах» в севской приказной избе приезжих из многих украинских городов (Белой Церкви, Нежина, Голтвы, Черкасс и др.) после поражения (возле г. Мошны) народного восстания под руководством Павлюка⁵⁶.

Если приводимые в «расспросных речах» цифровые данные могут быть неточны, то все же сами факты переселений, совместных боевых действий русских и украинских казаков несомненны и позволяют наряду с другими источниками составить надежную и достоверную документальную основу изучения их общности и единения.

«Расспросные речи» приезжающих с Украины крестьян, горожан, казаков, представителей православного духовенства явились для русского правительства одним из источников информации не только о политическом положении на Украине, но и о возрастающем стремлении в народе к переходу в русское подданство, к воссоединению с Россией. Такие настроения усиливались в годы, следовавшие после окончания крестьянско-казацких восстаний 20—30-х гг. XVII в. Одно из таких заявлений было сделано в Разрядном приказе в июле 1631 г., то есть после крестьянско-казацкого восстания на Украине под руководством Тараса Федоровича. В «расспросных речах» бывший реестровый казак Павлин Худой заявил: «И многие... русские веры казаки и белорусцы меж себя переговаривают и молят бога, чтоб де за крестьянским государем быть, а не в лятцкой вере»⁵⁷. Подобная информация имеется в «расспросных речах» вышедшего на «государево имя» «литвина», жителя Черкасс, запорожского казака, названного в русских источниках Иваном Павловым (октябрь 1632)⁵⁸.

Стремление мещан, крестьян, казаков к переходу в русское подданство отразилось в «расспросных речах» в Курске в апреле 1638 г. «черкас» из украинских городов: Ромны, Корсунь, Гадяч, пришедших «на государево... имя... в ево государеву сторону на вечную службу в Курск», «не хотя христианские веры отбыти, и в латынской, и в папешкой вере быти». Они же отметили, что «многие де черкасы и всякие литовские люди з женами и з детьми, которые в христианской вере, хотят итти из Литовские земли в государеву сторону, в Курск в-ыные государевы города...»⁵⁹.

Выделяются известия представителей казацких низов о

социальном характере выступлений и тесной связи участников крестьянско-казацких восстаний на Украине с донским казачеством. Такие данные содержатся в отличающихся большой информативностью «расспросных речах» в севской приказной избе (октябрь 1635) украинского выписного (нереестрового) казака Лаврина Лепляева родом из Канева, сообщившего ряд важных сведений о положении на Украине, в том числе данные об усилении побегов крестьян «в русские города», стремлении украинских казаков перейти в русское подданство: «А козаки... во всех городках говорят: как де у них бой будет с поляки, и станут у них крестьянскую веру поляки разорять, и они де, все козаки, хотят бити челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Руси, чтоб... им быти на... государеве имени»⁶⁰.

В показаниях Лепляева имеется отсутствующая в других источниках уникальная информация о восстании 1635 г. под руководством Ивана Сулимы. По его данным, Сулима — «казачей гетман Сулим» — в год восстания вместе с запорожскими казаками участвовал в морских походах против турок и татар: «...Из Запорог на море под турецко города и к Озову приступал», и, вернувшись из этих экспедиций, «зимовал на Дону». Таким образом, данное сообщение позволяет установить связь предводителя крестьянско-казацкого восстания с донскими казаками. В этом же источнике нашел отражение и другой аспект восстания под руководством И. Сулимы, к которому прибыли «выписные козаки... из литовских городов... в собрание, и собралось... запорожских козаков с гетманом с Сулимам тысяч с полтретьятьцеть»⁶¹.

В сообщении Лепляева нашла отражение также информация о функции, которая предназначалась шляхетским правительством крепости Кодак («Койдак»), «для того чтоб... запорожские козаки из Запорог на моря и под турецко города не ходили, и на Дон пеши и судми не проходили ж»⁶², то есть это укрепление должно было явиться серьезной преградой против контактов между запорожскими и донскими казаками. Это — ценное свидетельство еще одного мотива сооружения крепости Кодак, не привлечшее внимания исследователей, хотя для современников он был очевидным и резонным. Примечательно также замечание Лепляева при описании похода Сулимы на Кодак, что «про то де он... ведает подлинно»⁶³. По его данным (несколько преувеличенным), в Кодаке «было литовских заставных людей 4000 человек немец, и тех... немец козачей гетман з запорожскими казаками побил»⁶⁴.

Важными официальными источниками об украинских переселенцах и их устройстве на постоянное жительство в России являются **докладные выписи** из дел Разрядного и Посольского приказов. В марте 1638 г. была сделана докладная выписка из Разрядного приказа о бегстве гадячских и голтвянских мещан с семьями в Курск «в ево государеву сторону на вечную службу»⁶⁵. Ряд таких записей был сделан в 1639 г.: о поселении в Чернском уезде 15 украинских казаков во главе с атаманом М. Лейкой, бежавших в Россию после поражения восставших под Лубнами⁶⁶.

Особой разновидностью источников в составе русской приказной документации являются **челобитные** украинских переселенцев в пределы Русского государства. В них отразились интересы и чаяния народных масс — крестьян, горожан, рядового казачества. Поскольку такие массовые интенсивные переселения происходили в конце 30 — начале 40-х гг. XVII в., сохранилось значительное количество обращений переселившихся украинцев в русские правительственные учреждения. Анализ таких челобитных дает нам важную информацию.

1. Места расселения переселенцев, от которых поступали челобитные: Чугуев, Чернский уезд, Усерд, Воронеж, Тула, Оскол, Кромы, Короча, Белгород и др.⁶⁷

2. Размеры выдачи им денежного и хлебного жалованья, оружия (пищалей) для несения военной службы по защите государства от внешних врагов, наделения их землей и угодьями, средствами на строительство жилищ, со ссылками при этом на пожалования, которые ранее получили «наша братья запороские черкасы в новом Чюгуеве-городке, и на Короче, и в-иных городех», «против наших братьи запороских чюгуевских, и корочевских, и иных городов черкас»⁶⁸, или, как в других случаях писали, «против их братьи черкас, которые устроены на Короче и в-иных городех»⁶⁹.

В тех случаях, когда сохранился ряд челобитных от переселенцев из одной местности, можно подробнее изучить процесс и обстоятельства освоения ими новой территории. Такие сведения имеются об украинцах, переселившихся в Костенки. В первой челобитной (май 1639) 130 украинцев, вышедших «на государево имя», ходатайствовали о разрешении им поселится на пустоши в Костенках под Воронежем и выдачи им «государева ружья, и пороху, и свинцу, и всякие ратные службы, и знамя, чтоб... было с чем... служить»⁷⁰. Из последующей их челобитной (1641) выясняется, что посели-

лось их в Костенках 300 человек, «домишка свои постройли» и, что особенно примечательно, по их словам, «русские люди пособили того городка ставить»⁷¹.

В челобитных подчёркивалась непреклонная и твердая воля переселившихся украинских крестьян и казаков быть преданными Российскому государству в лице русского царя (такая персонификация естественна для того времени). В челобитной четырех казаков, переселившихся в 1640 г. в Оскол, значилось: «Выехали мы... к тебе, государю, на твое царское имя... служить тебе, праведному государю, верою и правдою, слышучи твою царскую милостью и призренье к нам». В этом же тексте еще раз подчеркивалась их воля: «Хотим служить тебе, милостивому государю, против твоего государева недруга верою и правдою вовеки, до смерти живота своего»⁷².

От имени 500 человек «нововыезжих черкас», сотников и рядовых украинских казаков, отправившихся по царской грамоте из т. Корочи на Дон, атаман Родион Михайлов в 1641 г. просил выдать им особую грамоту с разрешением заниматься промыслами («сытити канун* и воск збирать»⁷³). В челобитной проживавшего в г. Валуйки «черкаского» атамана Степана Волошенина «с товарищи 101 человек» (1641) просили дать указание воеводе Федору Голенищеву-Кутузову принять на военную службу («в... государеву в-ыноземскую службу») их детей, «поверстать» их «государевым денежным и хлебным жалованьем»⁷⁴.

Челобитная 68 украинцев, переселившихся в г. Белгород, с просьбой о выдаче им годового жалованья содержит сведения о трудностях и опасностях пограничной воинской службы: «В походы ходим в частые, и в подъезд ездим беспрестанно, и летом стоим в сотнях беспрестанно, днем и нощию с лошади не сседаем, и с крымскими и с нагайскими людьми бьемся, не щадя головы своей..., кровь свою проливаем»⁷⁵. Из челобитной 385 запорожских казаков, во главе с Левком Афанасьевым переселившихся в г. Корочу (1646), выясняется, что согласно правительственной грамоте им было поручено насыпать крепостной земляной вал от Корочи к Яблону, а также вести постоянную борьбу против татарских набегов⁷⁶. Кроме того, они должны были «беспрестанно на вестях» стоять, «переменяючися з года на год», «городовой караул беспрестанно» караулили, «десяточно переменяючися», «до съезжева земляного городка лето и зиму беспрестан-

* «сытити канун» — варить мед и пиво.

но» стояли, «по десятку переменяючися» и делали «государеву всякую городовую поделку». По их словам, изнурительная и непрестанная станичная служба, частые походы и караулы приводили к тому, что они «хлеба с поля не свозили и сена не косили, и ни пахали, ни сеяли, и одолжились большими долги...»⁷⁷.

В отдельных случаях челобитные украинских переселенцев фиксировались не как особые документы, а включались в дела приказов, в частности Разрядного. Они содержат также важную информацию о причинах их перехода «на государево имя» и об устройстве на постоянное жительство в России⁷⁸.

При анализе текстов таких документов не менее важным, чем содержащиеся в них пожелания переселенцев, является установление эффективности этих челобитных, какова была на них реакция государственных органов России. Это представляется возможным установить, даже не привлекая других источников, а на основании изучения помещенных на этих же текстах помет, сделанных в приказных канцеляриях. Они находятся почти на каждой челобитной и сделаны после рассмотрения их в приказах и руководящими деятелями государства. Так, на обороте челобитной чернских «черкас» (1639) в помете значилось: «...государь пожаловал велел им дать свое государево жалованье и землю устроить против (в значении «также как и» — Н. К.) иных черкас»⁷⁹, в другом аналогичном случае — по челобитной М. Лейки, чернских «чёркас» «государь пожаловал велел дать им по 6-ти рублей, да хлеба против талецких холостых, атаману 7 рублей; устроить места под дворы и землю дать, чтоб им на завод посеять»⁸⁰. Кроме того, в другой приказной документации 1639—1641 гг. украинским переселенцам в г. Черни были предоставлены земельные наделы и было дано указание о выдаче им жалованья⁸¹.

В отдельных случаях таких помет не обнаружено (жалоба украинских чугуевских казаков на Я. Острянина (1641)⁸², челобитная 101 переселенца в г. Валуйки (1641) о приеме их детей, которые «поспели... в-ыноземскую службу, поверстать своим государевым денежным и хлебным жалованьем»⁸³, челобитная «гулячих» украинцев-переселенцев о приеме их на сторожевую службу в Чугуеве⁸⁴ и др.).

Чрезвычайно ценной бывает ретроспективная информация, заключенная в челобитных. Из челобитной царю Михаилу Федоровичу от вышедшего из турецкого плена путивльского казака Григория Конашева (1641) о принятии его на должность «толмача» (переводчика) при путивльском воеводе ста-

ло возможным установить, что еще в конце XVI в. он выполнял важные поручения русского правительства по связям с запорожским казачеством: «Посылан... был... в Запороги с его государским жалованьем з денежным» с Ю. Беззубцовым во время правления Федора Ивановича и «з денежным жалованьем... и с сукнами» по поручению Бориса Годунова⁸⁵. Это сообщение подтверждается общеизвестными сведениями из дневника посла австрийского императора Руфольфа II Эриха Ляссоты к запорожцам о встрече его в июне 1594 г. с русским посланником Василием Никифоровым, ехавшим с подарками к запорожским казакам⁸⁶.

Особую разновидность источников по изучаемой проблематике составляют **поручные взаимные записи** украинских переселенцев — крестьян, мещан, казаков при вступлении их на государственную, военную, в том числе сторожевую службу. Достоверность таких документов определяется тем, что их заключение происходило в присутствии других переселенцев, заинтересованных и осведомленных лиц, несших юридическую ответственность за свое поручительство под угрозой денежного штрафа («пени»). Сведения о процедуре таких поручительств находятся и в других документах переселенцев. В челобитной (январь 1641) «нововыезжих черкас» в Оскол значилось, что их «порука... з записью крепкая жилия в... государственой службе взята за поповскими руками»⁸⁷.

Поручные записи представляют значительную ценность, так как они фиксировали персональный учет переселенцев, поступавших на государственную службу, с указанием сведений о них. Сохранился ряд поручных записей в столбцах Севского стола Разрядного приказа, в Донских делах. В записях такой разновидности источников имеются количественные данные о лицах, давших взаимные поручительства, с перечислением фамилий и имен поручителей — «поручников» («Се яз... поручился есми...»). Из поручных записей украинцев устанавливается место их предшествующего жительства на Украине (Ромны, Лохвица, Богуслав, Гадяч, Олешня, Чигирин («Чигрин»), Лубны, Боровица, Новгород-Сиверский, Зиньков, Полтава и др.⁸⁸).

В таких записях фиксировались обязательства переселенцев заниматься строительством и земледелием, «в том, что им, будучи в Путивле, на житье по весне строитца, и указаную свою пашню похать, и хлеб сееть, чтоб им впредь беззапасным не быть»⁸⁹. Сущность поручительства заключена в следующей формулировке: «Им за... порукою по государеву указу ехать на государеву службу... з женами, и з детьми,

и со всеми своими животы на вечное житье и государева служба служить»⁹⁰.

В отдельных случаях указывалось о поручившихся, что они — «все... вольные зарубежных литовских городов охочие люди», которые «поручились... меж себя друг по другу» верно служить «на Дону в Войску... России службу, и быти всегда готовым, где по государеву указу государевы воеводы, и приказные люди, и донские отаманы... укажут»⁹¹.

Другие важные сведения об устройстве украинских переселенцев содержатся в документах **Чугуевской приказной из-бы**. В них имеются данные о том, что после массового переселения в Чугуев украинцев во главе с Я. Острянином и в дальнейшем приезжали крестьяне, мещане и казаки с Украины. В этом отношении значительный интерес представляет отписка П. Щетинина в Разрядный приказ в июне 1640 г. о прибытии «на вечную службу» в Чугуев из Северного Донца черкас «с курченином» К. Веденьевым. Во главе их был атаман М. Карпов. В отписке нашла свое отражение выработанная на протяжении десятилетий практика пожалований принятым в русское подданство и на государственную службу переселенцам, преимущественно с Украины. Согласно поступившей из Разрядного приказа грамоте этим переселенцам выдано «государево денежного жалованья за выход» «для полонского и каторжного терпенья» и «для новые селидьбы на дворовое строенья». Примечательно, что остальная часть денежных субсидий («достальное... государево денежное жалованья») должна быть выдана им после того «как черкасы на Чугуеве на вечное житье дворами построетца»⁹². В тексте отписки названы виды земельных владений, которые были выделены переселенцами: «под дворы места и под огороды... из землями... и всякими угодили...», причем было дано указание «им землю пахать, и хлеб сеять»⁹³. Чрезвычайно важным представляется упоминание в документе, что при этом был произведен персональный учет прибывших: воевода «по списку пересмотрел всех налицо», и была произведена точная фиксация пожалований — «в книги подлинная по статьям»⁹⁴.

В системе украинско-русских политических взаимоотношений в XVI — первой половине XVII в. особое место занимают связи между запорожским и донским казачеством, для которых характерны общность социального происхождения, единство классовых и внешнеполитических целей в борьбе против турецко-татарской экспансии.

При изучении истории боевого содружества и союза запорожских и донских казаков наибольшей репрезентатив-

ностью отличается такое компактное собрание документальных памятников, как **Донские дела**. Они включают следующие разновидности источников: царские грамоты, прочтенные донским атаманом «обвинительные письма» за их самовольные действия, воеводские и войсковые (донских казаков) отписки, донесения русских дипломатов (особенно из Крыма) в Москву, «расспросные речи», дела о даче государственного жалованья и др. В Донских делах встречаются иногда документы сложного состава из нескольких, хронологически следующих друг за другом документов: в войсковых отписках передавались тексты грамот, излагались «вести»; в воеводских отписках — «расспросные речи», царские грамоты и другие документы или их фрагменты, что нередко позволяет выявить не сохранившиеся до наших дней источники, произвести сравнение заключенной в таких делах информации и ее преемственность⁹⁵.

Содержащиеся в Донских делах сведения касаются ряда важных проблем того времени: 1) фактов совместных боевых действий запорожских и донских казаков; 2) переселения в Русское государство запорожцев и принятия их на государственную (военную) службу; 3) отношения русского правительства к совместной борьбе и боевому союзу донских и запорожских казаков.

Анализ состава записей разных видов в книгах Донских дел свидетельствует о том, что русское правительство, Посольский приказ постоянно интересовались присутствием запорожских казаков на Дону, что соответствующим образом фиксировалось и благодаря чему эти сведения дошли до наших дней.

Уже в «расспросных речах» донского атамана Алексея Старово (9.X 1625) в Москве на заданные ему вопросы последовал ответ: «Запорожских... черкас ныне на Дону у них нет, которые были, и... пошли к себе в Запороги»⁹⁶.

Совместные действия запорожских и донских казаков нашли свое отражение в царских грамотах донским атаманам 20-х гг. XVII в.⁹⁷, запрещающих походы на крымские и турецкие владения, поскольку тогда велись переговоры между русскими и турецкими полномочными представителями о мирном соглашении (посольство Ф. Кантакузина в Москву в 1612 г., миссия русских посланников И. Кондырева и Т. Бормосова в Константинополе в 1622—1623 гг.⁹⁸). Грамота царя Михаила Федоровича 20.IX 1622 г. фиксировала наличие «ныне... на Дону» многих «черкас», которые «пришли из Литвы, из Запорог» и «ходили вместе» с донскими казаками. В ней за-

прещалось «запорожских черкас принимати... к себе», чтобы «турского салтана и крымского царя» с Русским государством не «ссорить»⁹⁹.

Такое же запрещение донским казакам предпринимать совместные походы с запорожскими казаками против турок и татар содержится в грамоте царя Михаила Федоровича. В ней отмечается, что «на Дон приходят» и совместно с донцами «турского города и села и крымские улусы громят запорожские черкасы»¹⁰⁰.

Царская грамота 1627 г. фиксировала на основании донесений неназванных информаторов («учинилось ведомо»), что донские «атаманы и казаки, сложась с запорожскими черкасы, на море ходили, и города турского воевали», доходя до «Царягорода» (Константинополя) и Азова¹⁰¹.

Изучая документы донского казачества, можно убедиться, что с конца 30-х гг. XVII в. русские правительственные круги в проведении политики по отношению к Турецкой империи и Крымскому ханству стремились опираться на боевой союз и совместные военные действия донских и запорожских казаков. Это было связано с усилением в 1634—1636 гг. татарских набегов на южные области России (по словам А. А. Новосельского, «прибой татарских волн усилился»¹⁰²), и поэтому русское правительство приняло необходимые меры по укреплению обороны южных окраин¹⁰³. Для привлечения к этой деятельности украинских казаков в качестве посредников с запорожцами были использованы донские казаки. Это нашло свое отражение в челобитной донских атаманов царю Михаилу Федоровичу 21.V 1638 г. Согласно полученной царской грамоте донским казакам, как имевшим постоянные и традиционные связи с запорожскими казаками и пользовавшимся их доверием, поручалось «к запорожским черкасом... писать накрепка», чтоб они с донскими казаками «заодно на крымских и на ногайских воинских людей стояли и помочь... государству (Русскому — Н. К.) чинили...»¹⁰⁴.

Хронологические рамки фактов о связях запорожских и донских казаков в Донских делах охватывают период 1623—1646 гг. Интенсивность фиксации этих сведений в Донских делах (до Освободительной войны 1648—1654 гг.) характеризуется следующим образом: за 1623 г. — 1 факт, за 1625—3, 1627 — 1, 1632 — 1, 1633 — 1, 1635 — 1, 1637 — 1, 1638—6, 1640 — 1, 1641 — 4, 1645 — 1, 1646 — 9. За 1624, 1627, 1628—1637, 1634, 1636, 1639, 1640, 1644, 1647 гг. не удалось выявить фиксированных фактов о совместных действиях запорожских и донских казаков.

Отличительной особенностью всех этих документов является то, что независимо от их разновидностей заключенная в них информация исходила из казацкой среды. Рядовые казаки и атаманы зачастую были информаторами официальных государственных лиц (на местах и в центральных государственных учреждениях), которые доверчиво основывались в своих донесениях о текущих событиях на известия, поступавшие по таким каналам. Подобная информация в официальных правительственных документах (царских наказах, выписях из приказных дел и др.) в небольшой степени трансформировалась и; как правило, передавались не только факты, но даже форма и стиль высказываний казацких представителей. Это относится не только к «расспросным речам», но и к делам о приезде в Москву донских казаков с изложением их позиций и рассуждений о событиях, а также к воеводским отпискам.

Источники различного происхождения (воеводские и войсковые отписки донских атаманов) дают разнообразную информацию о массовом переходе на Дон украинских крестьян и казаков, которых обычно называли собирательным именем «черкасы». Сами факты переселений не вызывают каких-либо сомнений и являются достоверными. Что же касается количества переселенцев, то в тех случаях, когда их число округлялось до сотен и тысяч и сообщалось донскими казаками или переселенцами без произведенного точного учета, такие сведения, естественно, не могут считаться точными, и их затруднительно проверить.

В Донских делах откладывались также документы, отражавшие стремление украинцев перейти «на государево имя», особенно на территорию проживания донских казаков¹⁰⁵.

Из документов Донских дел выделяются **войсковые отписки**, которые отражали точку зрения и позицию верхушки донского казачества. Следует отметить, что такие отписки направлялись русскому правительству в качестве официальных отчетов о событиях и военных действиях (их немного — 6; в том числе за 1638 г. — 1, за 1641 г. — 1 и за 1646 г. — 4)¹⁰⁶. Все они являются свидетельством совместной борьбы украинских казаков — «запорожских черкасов» и донских казаков, в частности об их походе в 1641 г. с Азова на Перекоп¹⁰⁷.

Почти во всех документах, вносимых в книги Донских дел, где упоминаются «черкасы» в 20—30-х гг. XVII в., находятся факты, свидетельствующие о крепнувшем классовом и боевом союзе между донскими и запорожскими казаками. Этот союз основывался на общности социального происхож-

дения, условий общественно-экономической жизни, единстве целей в борьбе с турецко-татарской экспансией, совместных сухопутных и морских боевых операций против Крымского ханства и султанской Турции. Характерно, что Донские дела в подавляющем большинстве представляли собой текущие записи событий, а не отдаленный по времени ретроспективный их обзор. Вместе с тем приводимые количественные показатели состава казачьих отрядов являются условными, приблизительными и округленными, их сложно проверить, хотя достоверность самих фактов не вызывает сомнений.

Наряду с документами, отложившимися в книгах Донских дел, сведения о взаимосвязях запорожских казаков с донскими сохранились в делах Белгородского, Новгородского, Московского, Приказного столов Разрядного приказа, Малороссийского приказа, «Малороссийских», «Польских», «Крымских дел» Посольского приказа. Они в значительной степени дополняют и уточняют известия, зафиксированные в рассмотренных выше документах (книгах) Донских дел, причем в них заключена разнообразная информация по следующим вопросам: военно-политическое положение на Украине, борьба народных масс за социальное и национальное освобождение, связи украинцев с русским народом и стремление украинских крестьян, горожан, казаков к воссоединению с Россией, боевой союз донских и запорожских казаков, их совместные военные действия, морские походы.

Среди этой информации особо важной, хотя мало используемой в исследованиях, выделяются документальные сведения о помощи донских казаков украинскому народу в борьбе против польско-шляхетских войск во время крестьянско-казачьих восстаний. Один из таких фактов заключен в отписке севских воевод П. Воейкова и Н. Власьева в Разрядный приказ на основе сообщений прибывших украинцев из Новгород-Северского уезда в июле 1625 г.: «Да запороские... черкасы в литовских городках накликали к себе в прибавку вольных людей в козаки 20000 из Дону... государевых козаков к себе на помощь призвали»¹⁰⁸.

Изучение воеводских отписок позволяет выявить еще один аспект в определении значения связей запорожских и донских казаков, остающийся вне поля исследователей: привлечение в критические периоды движения восставшими массами Украины запорожцев, которые пребывали на Дону, в качестве резерва личного состава повстанческих отрядов.

Такое свидетельство находится, в частности, в отписке в Посольский приказ путивльского воеводы Н. Плещеева (ап-

рель 1638) и позволяет проследить пути поступления этой информации. Она была получена из сообщения путивльца, сына боярского Прохора Афанасьева, выполнявшего функции дипломатического курьера между русскими воеводами и полковником Станиславом Потоцким, который прочитал в его присутствии в Нежине письмо от враждебной восставшим верхушки реестровых («листровых») казаков. По их сведениям, к Переяславу на помощь восставшим направлялись не только казаки из Запорожья, но и «з Дону... запорожские казаки пришли к ним же, запорожским казаком, в сход»¹⁰⁹. Эта информация была внесена в воеводскую отписку и направлена в Москву. Уникальной является интерпретация в воеводской отписке факта перехода донского казака на постоянную службу в запорожское войско, что зафиксировано в отписке путивльских воевод 30.VI 1621 г. в Посольский приказ. Посланные ими в Киев «для вестей» торговые люди обнаружили «государева изменника» «донского казака... Вондроска Телесова», который «государю изменил, збежал в Литву ис Путивля» в 1620 г., «а ныне... в Литве служит з запорожскими козаки»¹¹⁰.

Информация о совместных действиях русских и украинских казаков поступала в Москву от современников и очевидцев не только из Дона, от посланцев донского казачества, но и из других территорий расселения русских казаков. К их числу принадлежат сообщенные яицким казачьим есаулом в январе 1647 г. «вести» о связях с донскими и запорожскими казаками яицких и терекских казаков, стремившихся к объединенным боевым действиям с ними: «...с Яику, — сообщал он, — приехали на Дон в казачьи городки.. в Манач и в Голубые... ото всего Яицкого Войска» с призывом «втайне ис тех донских казачьих городков запорожских черкас и донских казаков на Хвалынское море...»¹¹¹. Однако неизвестно, состоялся ли этот поход. Вместе с тем имеются другие сведения (в «расспросных речах» валуйского станичного атамана С. Бобырева) о реальных совместных действиях донских, запорожских, яицких и терекских казаков по обороне в 1638 г. крепости Азов от крымских татар и турецких войск¹¹².

В воеводских отписках имеются сведения о совместных действиях запорожских казаков с донскими, которые сообщали в приказных избах также и украинцы. — активные участники событий¹¹³. Такая информация фиксировалась и в донесениях (отписках) специальных правительственных эмиссаров, посылаемых на места. Находившиеся в Валуйках окольных С. Прозоровский и дяк Ф. Степанов в 1632 г. сообща-

ли в Разрядный приказ сведения, которые рассказывал «в расспросе» святогорский «чернец» Александр о зимовке в их монастыре донских казаков, возвращающихся «от черкас из Запорог телегами» после совместного с запорожцами похода «в вайну» на Синоп под руководством донского атамана Павлина. При этом отмечен также факт, что последний «з достольными казаками остался зимовать у черкас в Запорогах»¹¹⁴.

Как видим, среди сохранившегося корпуса источников по истории украинско-русских политических связей наибольшей репрезентативностью отличаются русские документальные источники, столбцы и книги приказов Российского государства, в особенности Разрядного и Посольского, включая образовавшиеся в процессе функционирования последнего учреждения по внутреннему управлению государством.

Многочисленные сведения о связях с Украиной находятся в таких разновидностях приказной документации, как грамоты, выписи из посольских записей и царских указов и наказов, статейные списки русских дипломатов (посольские журналы или дневники), отписки русских порубежных воевод в Москву, Донские дела и др. На основании этих источников возможно установить хронологию и количественный состав delegаций с Украины в Россию от различных слоев населения, интенсивность таких поездок.

Информационное значение этих приказных дел состоит в том, что в них наряду с фиксацией прибытия деятелей с Украины вносились сообщаемые ими «вести», их «расспросные речи» о политическом положении на Украине, фактах социального и национального угнетения народа, о народных движениях, военных событиях, борьбе с турецко-татарской экспансией.

Сохранившийся комплекс источников позволяет выявить динамику развития русско-украинских связей, их формы, направления, проявления, конкретные факты, установить, в какой мере они явились отражением объективного процесса возрастания тяготения украинского народа к единению с братским русским народом, что послужило необходимой и закономерной предпосылкой воссоединения Украины с Россией.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги, можно сделать вывод, что изучение источников о связях между Украиной и Россией в XVI — первой половине XVII в. позволяет обнаружить определенные

закономерности формирования источниковой базы по данной проблематике.

Источники по истории украинско-русских связей составляют большой документальный комплекс как русского, так и украинского происхождения, причем обращает на себя внимание такое примечательное явление, как фиксация в русских источниках сообщений, поступавших от украинцев, а в отдельных документах, внесенных в судебно-административные книги городов Украины, имеются сведения о пребывании на украинских землях русских купцов, ремесленников, деятелей культуры (особенно много таких записей о первопечатнике Иване Федорове). Документальные источники о русско-украинской и украинско-русской торговле одновременно фиксировались как в русских, так и украинских источниках.

Информация о различных проявлениях и фактах украинско-русских связей отложилась не в компактном виде, а разрознена в многочисленных архивных фондах, главным образом в отечественных архивохранилищах.

Среди русских архивных источников главным является приказная документация, в том числе об отправлении русских купцов в украинские города и их возвращении, а также немногочисленные упоминания об украинских купцах в сохранившихся в некомплектном виде русских таможенных книгах.

В книгах судебно-административных учреждений Украины (городских и магистратских) имеются отдельные сведения о русских купцах и торговых связях купцов из украинских городов с Россией. Однако эти крупнейшие комплексы источников нельзя признать исчерпывающими. В случае отсутствия спорных дел, конфликтов с таможенниками и другими официальными лицами в городских книгах отсутствовали записи с фиксацией приезда русских купцов на Украину.

В какой-то мере восстановить интенсивность распространения русских товаров на Украине позволяют частно-правовые акты (завещания, инвентари имущества мещан и др.). Такая ретроспективная информация помогает установить количество и стоимость привозимых на Украину русских изделий, а также дает представление о различных вопросах торговых взаимоотношений. Отсутствие книг украинских таможен (в большинстве случаев из-за их пропажи в довольно отдаленном прошлом) не позволяет тщательно и более адекватно реальной исторической действительности представить масштабы и направления украинско-русской торговли. Значительный интерес представляют официальные сообщения оче-

видцев и должностных лиц о торговле на Украине «московскими товарами».

Что же касается политических связей, то источники о них наиболее полно сохранились среди документов приказов Российского государства. Такая информация находится в воеводских отписках в Москву, приказных памятях, докладных выписях, наказах и жалованных грамотах, выдаваемых от имени царя и составляемых в приказных канцеляриях. Особо большой репрезентативностью отличаются Донские дела, на основании которых можно изучить формирование и развитие боевого союза и совместных действий донского и запорожского казачества. Большой комплекс документов составляют челобитные украинских переселенцев в Россию. Сопоставление их между собой, сравнение с воеводскими отписками, приказной документацией, пометами о принятых русским правительством решениях по такого рода ходатайствам усиливает их достоверность и информационную отдачу. Количественный состав переселенцев устанавливается на основе их взаимных поручных записей, хотя и эти сведения вряд ли являются исчерпывающими. Источники украинского происхождения наряду с челобитными представлены посланиями украинских деятелей, братств в Москву за помощью. Оригиналы таких грамот сохранились в незначительном количестве, большинство из них дошло в копиях и записях в столбцах и книгах Посольского приказа.

Руководствуясь ленинским положением о том, что «в общественной науке (как и в науке вообще) дело идет о **массовых** явлениях, а не об единичных случаях»¹, на основе привлечения обширного корпуса источников стало возможным выявить различные формы, конкретные проявления и интенсивность украинско-русских связей в годы, предшествующие Освободительной войне украинского народа и воссоединению Украины с Россией.

В заключение необходимо подчеркнуть, что настоящая книга, естественно, не смогла с исчерпывающей полнотой раскрыть многогранные аспекты источниковедческого анализа по изучаемой проблематике. Отдельным видам и разновидностям источников, которые вкратце в ней рассмотрены, могут быть посвящены особые работы. В распоряжении студентов имеется монументальный документальный трехтомник «Воссоединение Украины с Россией» и другие публикации источников, которые содержат большое количество информации по истории связей между Украиной и Россией. Используя настоящее пособие, на основе археографических публи-

каций студенты могут проводить самостоятельные источники-вые изыскания по этой тематике. Если данная книга, как и предыдущие работы автора, принесут им определенную пользу в таких исследованиях, то он будет считать поставленную перед собой цель достигнутой.

П р и н я т ы е с о к р а щ е н и я

Акты ЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией

АМГ — Акты Московского государства

АЮЗР — Архив Юго-Западной России

ЗНТШ — Записки Наукового Товариства ім. Т. Шевченка (Львов)

ОИДР — Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете

РИБ — Русская историческая библиотека

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив

Библиографический обзор

ВВЕДЕНИЕ

¹ Ленин В. И. Украина. — Полн. собр. соч., т. 32, с. 342.

² Содержательный историографический обзор этой литературы см. в кн.: Варварцев Н. Н. Национализм в облике советологии (критика современной буржуазной историографии Украины). — Киев: Наук. думка, 1984; Правда истории против фальсификаторов: Критика буржуазных и буржуазно-националистических фальсификаций истории Украины. — Киев: Политиздат, 1982 и др.

³ Крип'якевич І. П. Зв'язки Західної України з Росією до середини XVII ст.: Нариси. — Київ: Вид-во АН УРСР, 1953; Шевченко Ф. П. Політичні та економічні зв'язки України з Росією в середині XVII ст. — Київ: Вид-во АН УРСР, 1959; Мишко Д. І. Українсько-російські зв'язки в XIV — XVI ст. — Київ: Вид-во АН УРСР, 1959; Дружба и братство русского и украинского народов. — Киев: Наук. думка, 1982, т. 1 и др. Обзор этих и других исследований советских историков содержится в статьях: Назаренко Ю. В. Освещение русско-украинских связей периода Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. в советской историографии середины 50-х—начала 60-х гг. XX в. — В кн.: Некоторые вопросы социально-экономической и политической истории Украинской ССР: Сб. науч. тр. Днепропетровск: ДГУ, 1973, вып. 4, с. 181—193 и Руденко В. В. Послевоенная советская историография украинско-русских связей периода освободительной борьбы народных масс Украины второй половины XVI — первой половины XVII века. — В кн.: Историографические и источниковедческие проблемы оте-

чественной истории: Историография освободительного движения и общественной мысли России и Украины: Межвуз. сб. науч. тр. Днепропетровск: ДГУ, 1984, с. 32—41.

⁴ Кучернюк М. Ф. Джерела про російсько-українські політичні зв'язки в роки Визвольної війни українського народу (1648—1654 рр.). — Львів: Вища школа, 1980; Он же. Источники о русско-украинских политических связях в годы Освободительной войны украинского народа (1648—1654 гг.): Автореферат. Дис. ... канд. ист. наук: — Днепропетровск, 1975; Он же. Основні публікації джерел з історії російсько-українських політичних взаємозв'язків періоду Визвольної війни українського народу 1648—1654 рр. — Архіви України, 1978, № 6, с. 28—36; Кучернюк Н. Ф., Ковальський Н. П. Документальные источники о русско-украинских связях периода Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. в археографической публикации «Воссоединение Украины с Россией» (т. II—III). — В кн.: Анализ публикаций источников по отечественной истории. Днепропетровск: ДГУ, 1978, с. 3—12 и др.

⁵ Ковальський Н. П. Документальные источники о русско-украинских взаимосвязях XVI — первой половины XVII в. — В кн.: Проблемы историографии и источниковедения истории СССР: Сб. науч. тр. Днепропетровск: ДГУ, 1979, с. 113—126.

⁶ Ковальський Н. П. Источниковедение истории Украины XVI — первой половины XVII в. — Днепропетровск: ДГУ, 1977—1979, ч. 1—4; Он же. Источники по истории Украины XVI — первой половины XVII в. в Литовской метрике и фондах приказов ЦГАДА. — Днепропетровск: ДГУ, 1979; Он же. Источники по социально-экономической истории Украины XVI — первой половины XVII в.: Структура источниковой базы. — Днепропетровск: ДГУ, 1982; Он же. Источниковедение социально-экономической истории Украины XVI — первой половины XVII в.: Акты о городах. — Днепропетровск: ДГУ, 1983; Он же. Источники по истории Украины XVI — первой половины XVII в.: Автореферат. Дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1984.

⁷ Ковальський Н. П., Мыцык Ю. А. Анализ архивных источников по истории Украины XVI—XVII вв. — Днепропетровск: ДГУ, 1984.

⁸ Ленин В. И. Философские тетради. — Полн. собр. соч., т. 29, с. 177, 176.

⁹ Энгельс Ф. Диалектика природы. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 20, с. 370, 371.

¹⁰ Энгельс Ф. Маркс К. К критике политической экономии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 492.

¹¹ Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 5.

¹² Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 304.

¹³ Ленин В. И. Из прошлого рабочей печати в России. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 100.

¹⁴ Ленин В. И. Карл Маркс. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

¹⁵ Ленин В. И. Н. Д. Кикнадзе (XI. 1916). — Полн. собр. соч., т. 49, с. 319.

¹⁶ Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве. — Полн. собр. соч., т. 1, с. 411.

¹⁷ Ленин В. И. Статистика и социология. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

¹⁸ Там же, с. 351.

¹⁹ Ленин В. И. Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках гг. Троцкого и Бухарина. — Полн. собр. соч., т. 42, с. 290.

²⁰ Ленин В. И. Крах II Интернационала. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 250.

²¹ Крип'якевич І. П. Зв'язки..., с. 20 — 66; Немировський Е. Л. Документальные материалы львовских архивов о последнем периоде жизни и деятельности Ивана Федорова. — Ист. архив., 1961, № 4, с. 229—235; Он же. Первопечатник Иван Федоров: Жизнь и деятельность. Приложения. Новые документы о львовской типографии Ивана Федорова. — Полиграфия, 1964, № 3, с. 12, 13; Он же. Источниковедение и историография русского первопечатания: Автореферат. Дис. ...канд. филол. наук. — М., 1964; Ружицкий Е. И. До біографії Івана Федорова. — Арх. України, 1971, № 4, с. 83; Он же. Нові дані про останній період життя та смерть Івана Федорова. — Арх. України, 1972, № 5, с. 67—69; Купчинский О. А. Документы об Иване Федорове и его сыне Иване Друкаревиче в ЦГИА УССР в г. Львове и их использование в отечественной археографии. — Сов. архивы, 1975, № 4, с. 81—86; Ісачевич Я. Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. — Київ: Наук. думка, 1966; Он же. Джерела з історії української культури доби феодалізму. — Київ: Наук. думка, 1972; Он же. История книгопечатания на Украине и его роль в межславянских культурных связях (XVI—первая половина XVII в.): Автореферат. Дис. ...д-ра ист. наук. — М., 1977; Он же. Преемники первопечатника. — М.: Книга, 1981; Он же. Новое об Иване Федорове. — Вопросы истории, 1979, № 9, с. 172—173; Он же. Новый документ об Иване Федорове. — В кн.: Федоровские чтения. 1978. М.: Наука, 1981, с. 5—113 и др.

²² Ковальський М. П. Джерела про початковий етап друкарства на Україні (Діяльність першодрукаря Івана Федорова в 70 — на початку 80-х рр. XVI ст.) — Дніпропетровськ: ДДУ, 1972; Он же. Новые источники о деятельности Ивана Федорова на Украине. — В кн.: Некоторые проблемы социально-экономического развития Украинской ССР. Днепропетровск: ДГУ, 1970, с. 189—201; Он же. Источники о деятельности на Украине книгопечатника Ивана Федорова в 70—80-х гг. XVI века (история публикаций). — В кн.: Некоторые проблемы социально-экономического и политического развития Украинской ССР. Днепропетровск: ДГУ, 1972, вып. 3, с. 149—165 и др.

Глава I

¹ Структура судебно-административных книг Украины XVI—XVII в. рассмотрена в работе автора: Источниковедение истории Украины XVI—первой половины XVII в. — Днепропетровск: ДГУ, 1979, ч. 4. Обзор основных отечественных собраний архивных источников, с. 32—96.

² ЦГИА УССР во Львове, ф. 9. Львовский градский суд, кн. 395, л. 619—628.

³ Публикации источников о русско-украинских связях исследуемого периода рассматриваются в ряде работ автора, в том числе в статье: Документальные источники о русско-украинских взаимосвязях XVI — первой половины XVII в., с. 113—126.

⁴ Сборник исторических материалов, извлеченных из древних актовых книг Киевского Центрального архива при университете св. Владимира И. Каманиным и И. Истоминым. — Киев, 1890, вып. 1, док. № 1, с. 5, 6.

⁵ Чтения ОИДР, 1884, кн. 1 (128), отд. II, с. 1—32.

⁶ Опись актовой книги Киевского Центрального архива № 2045 /Сост. О. И. Левицкий. — Киев, 1889, № 165, с. 20; Опись актовой книги Киевского Центрального архива № 2047 /Сост. О. И. Левицкий. — Киев, 1890, № 579, с. 55; Опись актовой книги Киевского Центрального архива № 2050. — Киев, 1891, № 275, с. 24.

- ⁷ АЮЗР, ч. VII, т. I. — Киев, 1886, док. № 83, с. 595; ч. VII, т. 3. — Киев, 1905, док. № 1, с. 7; ч. VII, т. 5, док. 69, с. 162—163.
- ⁸ Акты ЮЗР. — Спб., 1861, т. 3, № 76, с. 99.
- ⁹ АМГ, т. I. — Спб., 1890, док. № 135, 138, 167, 201, 291, 299, 333, 334, 336, 432; т. 2. — Спб., 1894, № 152, 162, 292, 435.
- ¹⁰ Воссоединение Украины с Россией: Док. и материалы. — М., 1954, т. I, док. № 9, 19, 87—90, 94, 96, 102, 103, 123, 126, 141, 142, 148, 150—152, 168, 240, 254, 259, 260, 268, 269, 273, 279, 282, 283.
- ¹¹ Там же, док. № 148, 254, 282, 283.
- ¹² Там же, док. № 168, 260.
- ¹³ Там же, док. № 87—89, 94, 96, 102, 123, 126, 129, 141, 142, 150, 151, 240, 254, 279, 282.
- ¹⁴ Там же, док. № 283.
- ¹⁵ Там же, док. № 148, 152; 19, 107, 273; 268, 269; 90.
- ¹⁶ Там же, док. № 9, 19, 87, 88, 90, 94, 102, 107, 123, 126, 129, 142, 152, 240, 259, 282.
- ¹⁷ Там же, док. № 89, 96, 141, 148, 151, 254, 279.
- ¹⁸ Там же, док. № 268, 269.
- ¹⁹ Там же, док. № 273, 283.
- ²⁰ Там же. Примечания, № III, 112, 115, II6, I79, I80, I82, 209, 235.
- ²¹ Памятники южновеликорусского наречия: Таможенные книги /Изд. подг. С. П. Котков, Н. С. Коткова. — М.: Наука, 1982 (далее — ПЮН).
- ²² Воссоединение..., т. I, док. № 268, 269.
- ²³ Там же, док. № 268, с. 449—450.
- ²⁴ ПЮН, с. 213, 218, 236; 211, 224, 226, 239; 216, 222, 226; 208, 235; 203, 204; 207; 230.
- ²⁵ Там же, с. 215, 222, 224, 225, 227, 245.
- ²⁶ Там же, с. 204, 208, 209, 211, 224, 230, 236; 205, 207; 218, 216, 222; 226, 239; 224.
- ²⁷ Там же, с. 235. Этот фрагмент курской таможенной книги ранее был опубликован в I-м томе «Воссоединение Украины с Россией», док. № 269, с. 454.
- ²⁸ АМГ, т. I, док. № 138, с. 166; Воссоединение..., т. I, док. № 9, с. 18.
- ²⁹ ПЮН, с. 10.
- ³⁰ Воссоединение..., док. № 90, с. 156—157.
- ³¹ Там же, док. № 88, с. 153—154.
- ³² Там же, док. № 126, с. 212—213.
- ³³ ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол, стб. 104, л. 90—91.
- ³⁴ Воссоединение..., т. I, док. № 9, с. 163—164.
- ³⁵ ЦНБ АН УССР. ОР № 1 54485 (Лаз. 33), л. 27; № 1 54588 (Лаз. 33), л. 447-об.
- ³⁶ ЦГАДА, ф. 389. Литовская метрика, кн. 211, л. 119.
- ³⁷ ЦГИА в Киеве, ф. 62. Киевский городской магистрат, ед. хр. 31, л. 102-об.—103.
- ³⁸ Воссоединение..., т. I, док. № 89, 94, 107, 148, 150, 152, 240, 254, 259.
- ³⁹ ЦГАДА, ф. 70. Сношения России с Польшей, 1635, ед. хр. 1, л. 146 — 149.
- ⁴⁰ Воссоединение..., т. I, док. № 240, с. 401—402.
- ⁴¹ Там же, док. № 168, с. 281.
- ⁴² АМГ, т. I, док. № 329, с. 346—347; док. № 334, с. 350.

- ⁴³ АМГ, т. 2, док. № 152, с. 99; Повт. публикация: Воссоединение..., т. 1, док. № 148, с. 254, 255.
- ⁴⁴ Воссоединение..., т. 1, док. № 148, с. 255.
- ⁴⁵ Там же, док. № 273, с. 462—463.
- ⁴⁶ РИБ, т. 24. — Спб., 1906, Донские дела, т. 2, док. № 62, с. 854 — 856; повт. публ.: Воссоединение..., т. 1, док. № 254, с. 422—423.
- ⁴⁷ Воссоединение..., т. 1, док. № 89, с. 155—156.
- ⁴⁸ АМГ, т. 1, док. № 167, с. 188.
- ⁴⁹ Воссоединение..., т. 1, док. № 141, с. 240.
- ⁵⁰ Там же, док. № 94, с. 160—161.
- ⁵¹ Там же, док. № 151, с. 259.
- ⁵² АМГ, т. 1, док. № 135, с. 161.
- ⁵³ Воссоединение..., т. 1, док. № 259, с. 427—428.
- ⁵⁴ Там же, док. № 87, с. 153.
- ⁵⁵ АМГ, т. 2, док. № 292, с. 182.
- ⁵⁶ Там же, т. 1, док. № 135, с. 161.
- ⁵⁷ Воссоединение..., т. 1, док. № 19, с. 42—43.
- ⁵⁸ Там же, док. № 142, с. 242.
- ⁵⁹ Там же, с. 243.
- ⁶⁰ Там же, с. 244.
- ⁶¹ АМГ, т. 1, док. № 333, с. 350; док. № 336, с. 351; док. № 432, с. 407, 408.
- ⁶² ЦГИА УССР в Киеве, ф. 1791. Чугуевская приказная изба, оп. 2, ед. хр. 1, № 2.
- ⁶³ Воссоединение..., т. 1, док. № 243, с. 406—407.
- ⁶⁴ Там же, док. № 283, с. 482—483.
- ⁶⁵ Там же, док. № 282, с. 481—482; Акты ЮЗР, т. 3, док. № 76, с. 99.
- ⁶⁶ Воссоединение..., т. 1, док. № 217, 244, 260.
- ⁶⁷ Там же, док. № 279.
- ⁶⁸ АЮЗР, с. VII, т. 1, док. № 83, с. 595.
- ⁶⁹ АЮЗР, ч. VII, т. 3, док. № 1, с. 7.
- ⁷⁰ ЦГИА УССР во Львове, ф. 9. Львовский городский суд, кн. 395, л. 619—628.
- ⁷¹ ЦГИА УССР в г. Киеве, ф. 25. Луцкий городский суд, оп. 1, кн. 14 (2047), л. 436-об.
- ⁷² Там же, кн. 16 (2050), л. 208-об.
- ⁷³ АЮЗР, ч. VIII, т. 5, док. № 69, с. 162—163.
- ⁷⁴ ЦНБ АН УССР. ОР. № 11 13402, док. № 21, л. 65.
- ⁷⁵ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 25, кн. 458 (2045), л. 137—137-об.
- ⁷⁶ ЦГАДА, ф. 52, оп. 1. Сношения России со странами Балканского полуострова и Грецией («Греческие дела»), кн. 1, л. 157—169-об.
- ⁷⁷ Там же, л. 168-об.
- ⁷⁸ Чтения ОИДР, 1884, кн. 1, отд. II, с. 1—32.
- ⁷⁹ ЦГИА УССР в Киеве, ф. 52. Луцкий городский суд, оп. 1, кн. 3 (2035), л. 62-об—63.
- ⁸⁰ Сборник исторических материалов, извлеченных... И. Каманиным и М. Истоминным, с. 5—6.
- ⁸¹ ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей, 1640, № 6, л. 18—68.
- ⁸² ЦГИА УССР во Львове, ф. 9. Львовский городский суд, кн. 392, с. 1131—1134.
- ⁸³ Там же, с. 1134—1138.
- ⁸⁴ Там же, с. 1135.
- ⁸⁵ Там же, с. 1134.
- ⁸⁶ Там же, ф. 52, оп. 2. Магистрат г. Львова, кн. 55, с. 1951.

⁸⁷ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 2. Магистрат г. Львова, кн. 30, с. 249; кн. 31, с. 36, 319, 330, 464, 577, 1301; кн. 33, с. 394, 1301, 1425; кн. 34, с. 605, 772, 1603, 1606; кн. 46, с. 133, 1877—1878; кн. 48, с. 516, 627, 636, 1209, 1210; кн. 49, с. 780; кн. 50, с. 813, 825, 840; кн. 51, с. 302, 886, 1201, 1202, 1512; кн. 53, с. 122, 123, 483, 502, 723, 1225, 1227; кн. 56, с. 1236, 1238, 1249.

⁸⁸ Там же, кн. 345, с. 142, 722, 751, 762; кн. 346, с. 203, 204, 221; кн. 349, с. 2, 3, 5, 18, 25, 26, 38, 39, 285, 298, 299, 349, 483, 1228, 1232, 1668; кн. 350, с. 110, 215, 287, 289, 290; кн. 351, с. 136, 252, 374, 396, 397, 400, 401, 420, 720, 721, 1036, 1038, 1118, 1177, 1321—1323; кн. 352, с. 53, 625, 977.

⁸⁹ Там же, ф. 129. Ставропигийский институт, оп. 1, ед. хр. 1134, л. 2, ед. хр. 1182, л. 13.

⁹⁰ Там же, ф. 52, оп. 2, кн. 31, с. 313; кн. 33, с. 1301; кн. 34, с. 605; кн. 46, с. 133; кн. 346, с. 221; кн. 350, с. 235.

⁹¹ Там же, кн. 18, с. 955; кн. 30, с. 83, 249; кн. 31, с. 312; кн. 48, с. 517; кн. 352, с. 593.

⁹² Там же, кн. 51, с. 114.

⁹³ Там же, кн. 54, с. 1316, 1326—1334.

⁹⁴ Там же, кн. 56, 258—264, 286—287, 305—307, 329—331, 840 — 842, 864—870, 1327—1328, 1489—1492.

⁹⁵ Там же, кн. 54, с. 1316; см. также, с. 1330—1334.

⁹⁶ Там же, кн. 46, с. 1877—1880; кн. 47, с. 849, 1015—1016, 1022, 1030—1032.

⁹⁷ Там же, кн. 56, с. 840—841.

⁹⁸ Там же, с. 1328.

⁹⁹ Там же, с. 841.

¹⁰⁰ Там же, кн. 240, с. 12, 13, 108, 175, 438, 594—595, 935, 948—949; кн. 248, с. 933, 935; кн. 143, с. 553, 948; кн. 47, с. 319, 849, 1015—1016, 1022, 1030—1032, 1039, 1397—1398; кн. 54, с. 1316.

¹⁰¹ Там же, кн. 18, с. 953—958; кн. 19, с. 81.

¹⁰² Там же, кн. 46, с. 1030, 1033, 1034; кн. 32, с. 92, 93, 1174; кн. 30, с. 453, 831.

¹⁰³ Там же, ф. 9. Львовский градский суд, кн. 365, с. 2336—2338.

¹⁰⁴ Там же, ф. 52, оп. 2, кн. 1148, л. 16—17, 101-об.—102. О деятельности этой купеческой гильдии см. статью: Крип'якевич І. Матеріали до історії торгівлі Львова. — ЗНТШ, Львів, 1905, т. 65, с. 1 — 46.

¹⁰⁵ ЦГИА УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, кн. 33, с. 640—642, 648.

Глава II

¹ ЦНБ АН УССР. ОР. № 11 13402.

² ЦГИА УССР во Львове, ф. 129. Ставропигийский институт, оп. 1, ед. хр. 209, 212.

³ Там же, ед. хр. 182, 189, 205, 340.

⁴ Юбилейное издание в память 300-летнего основания Львовского Ставропигийского братства. — Львов, 1886, ч. 1, док. № 95, с. 67.

⁵ ЦГИА УССР во Львове, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 182; Юбилейное издание..., док. № 101, с. 72.

⁶ ЦГИА УССР во Львове, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 209; Monumenta Confraternitatis Stauropigianae Leopoliensis. — Leopoldis, 1895, v. 1, N 285, p. 465.

⁷ Юбилейное издание... Приложения, табл. № XII.

⁸ ЦГИА УССР во Львове, ф. 129, оп. 1, ед. хр. 1174, л. 5, 5-об., 6, 14; 1180, л. 63-об., 76; 1181, л. 3-об.; 1188, л. II; 1194, л. 8-об.; 1196, л. 50,

50-об. и др. Аутентичность и достоверность этих известий установлена еще в XVIII—первой половине XIX ст. составителем «Хроники города Львова» Д. И. Зубрицким.—См.: Львовская- Научная библиотека АН УССР им. В. Стефаника. ОР. Ф. Баворовских, № 214, с. 63, 217; № 313, с. 161; ф. Васильян, № 370, с. 126, 129, 135, 136, 138, 148, 149.

⁹ Ковальський М. П. Політичні зв'язки західноукраїнських земель з Російською державою в другій половині XVII ст. (від Визвольної війни українського народу до кінця XVII ст.). — В кн.: Наукові записки /Львів, ун-т, т. 43, серія Історична, вип. 6. Питання історії СРСР. Львів: ЛДУ, 1957, с. 120—144; Он же. Деятельность русской дипломатии в 70—90-х годах XVII в. по отношению к украинским землям в составе Речи Посполитой. — В кн.: Из истории местного края. Днепропетровск: ДГУ, 1968, с. 158—176.

¹⁰ Воссоєдиненне..., т. 1, док. № 25, с. 53—54; док. № 33, с. 66—67.

¹¹ Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. — Казань, 1914, ч. 1, с. 79—80; Каптерев Н. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. — М., 1885, с. 107—113, 348, 349—350.

¹² ЦГАДА, ф. 52. Сношения России со странами Балканского полуострова и Ближнего Востока. («Греческие дела»), 7133, № 1, стб. 4.

¹³ Там же, 7134, № 15; 7132, № 10; ф. 79. Сношения России с Польшей, 1624, № 2; Воссоєдиненне..., т. 1, док. № 25, 33 и др.

¹⁴ Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. — Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 294.

¹⁵ Там же, с. 314.

¹⁶ Воссоєдиненне..., т. 1, док. № 15, с. 28.

¹⁷ Там же, док. № 16, с. 28—29.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 52. Греческие дела 7131, № 7, л. 1—2.

¹⁹ Там же, Греческие дела 7133, № 4, л. 5.

²⁰ Там же, Греческие дела 7132, № 10, л. 4.

²¹ Воссоєдиненне..., т. 1, док. № 22, с. 47.

²² Там же.

²³ Ботвинник М. Б. Лаврентий-Зизаний. — Минск: Наука и техника, 1973, с. 91—97.

²⁴ ЦГАДА, ф. 52. Греческие дела 7134, № 15, л. 45.

²⁵ Крыловский А. Львовское ставропигиальное братство. — Киев, 1904. Прилож. док. № 39, с. 86; ЦГАДА, ф. 52. Греческие дела 7134, № 4, л. 12.

²⁶ ЦГАДА, ф. 52. Греческие дела 7134, № 4, л. 12.

²⁷ Там же, л. 1—3; 7134, № 3, л. 5—8.

²⁸ ЦГАДА, ф. 79. Сношения России с Польшей 1625, № 2, л. 1—7, л. 134—156.

²⁹ Там же, л. 286, 287 и др.; ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол, стб. 29, л. 1—2, 16—22, 48 и др.

³⁰ Воссоєдиненне..., т. 1, примеч. 5, с. 487; док. № 1—3, 14—15.

³¹ Там же, док. № 1, с. 3; Гуслицы К. Г. Исторические связи Украины с Россией до Освободительной войны 1648—1654 гг. — В кн.: Воссоєдиненне України з Росією. 1654—1954: Сб. статей. М.: Изд-во АН СССР, 1954, с. 37.

³² Воссоєдиненне..., т. 1, док. № 1, с. 5.

³³ Там же.

³⁴ Там же, с. X; Касименко О. К. Російсько-українські взаємовідносини 1648 — початку 1651 р. — Київ: Вид-во АН УРСР, 1955, с. 30; Історія Української РСР. — Київ: Вид-во АН УРСР, 1953, т. 1, с. 189; Історія Української РСР. — Київ: Наук. думка, 1967, т. 1, с. 185.

³⁵ Королюк В. Д. К вопросу о посольстве в Москву от запорожского гетмана Петра Сагайдачного в 1620 г. — В кн.: Славянский архив: Сб. статей и материалов. М.: Изд-во АН СССР, 1958, с. 38.

³⁶ Кулиш П. А. Материалы для истории воссоединения Руси. — М., 1877, т. 1, 1578—1630, с. 98, 99.

³⁷ Воссоединение..., т. 1, док. № 3, с. 7.

³⁸ Дневник Эриха Ляссоты из Стеблева. — В кн.: Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1890, вып. 1 (XVI ст.), с. 163.

³⁹ Воссоединение..., т. 1, док. № 3, с. 7.

⁴⁰ Там же, док. № 24, с. 50.

⁴¹ Там же, с. 51.

⁴² Там же, с. 52.

⁴³ О воеводских отписках. — См.: Оглоблин Н. Н. Воеводские «востовые отписки» XVII в. как материал для истории Малороссии. — Киевская старина, 1885, т. XIII, июль, с. 365—416; Кучернюк М. Ф. Джерела про російсько-українські політичні зв'язки в роки Визвольної війни українського народу (1648—1654), с. 103—121.

⁴⁴ Воссоединение..., т. 1, док. № 8, 16, 24, 31, 46, 57, 59, 61, 62, 67, 72, 73, 74, 93, 114, 124, 125, 127, 128, 132, 135, 137, 143, 154 (путивл.); 26, 63, 69, 105, 119 (севс.); 28, 78, 172, 187, 253, 261 (воронеж.); 27, 75, 245 (рыльск.); 52, 134, 146 (белгор.); 30, 40 (астрах.); 106 (валуйк.); 71 (цариц.), 136 (яблон.); 160 (ливн.); 162 (кром.); 173 (орл.); 183 (чугуев); 201 (волог.); 226 (оскол.).

⁴⁵ Там же, док. № 8, с. 17.

⁴⁶ Там же, док. № 26, с. 55.

⁴⁷ Донские дела, кн. 2, док. № 30, стб. 394—395.

⁴⁸ Там же, стб. 795.

⁴⁹ Там же, стб. 811.

⁵⁰ Воссоединение..., т. 1, док. № 75, с. 130.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ. Московский стол, стб. 79, л. 389—398; см. Воссоединение..., т. 1, с. 494—495.

⁵² Воссоединение..., т. 1, док. № 135, с. 224.

⁵³ Там же, док. № 136, с. 225, 227.

⁵⁴ Там же, док. № 31, с. 62.

⁵⁵ Там же, док. № 49, с. 87.

⁵⁶ Там же, док. № 113, с. 185—189.

⁵⁷ Там же, док. № 65, с. 114.

⁵⁸ АМГ, т. 1, док. № 436, с. 410.

⁵⁹ Воссоединение..., т. 1, док. № 122, с. 205.

⁶⁰ Там же, док. № 92, с. 159.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, док. № 118, с. 198.

⁶⁶ Там же, док. № 159, с. 268—269.

⁶⁷ Там же, док. № 158, 159, 164, 169, 134, 193, 197, 202, 207, 208, 237, 231, 238, 263, 270, 271, 273, 274 и др.

⁶⁸ Там же, док. № 158, с. 268.

⁶⁹ Там же, док. № 159, с. 269.

⁷⁰ Там же, док. № 164, с. 276.

⁷¹ Там же, док. № 202, с. 327—328.

⁷² Там же, док. № 193, с. 318.

⁷³ Там же, док. № 194, с. 319.

⁷⁴ Там же, док. № 197, с. 321—322.

- ⁷⁵ Воссоединение..., т. 1, док. № 238, с. 400.
- ⁷⁶ Там же, док. № 263, с. 439.
- ⁷⁷ Там же, с. 439.
- ⁷⁸ Там же, док. № 159, с. 269 и др.
- ⁷⁹ Там же, док. № 158, с. 268.
- ⁸⁰ Там же, док. № 159, с. 269.
- ⁸¹ ЦГАДА, ф. 210. Разрядный приказ. Белгородский стол, стб. 140, л. 574—577, 701—703, 713—714, 716; Севский стол, стб. 112, л. 68.
- ⁸² Воссоединение..., док. № 195, с. 320.
- ⁸³ Там же, док. № 197, с. 322.
- ⁸⁴ Там же, док. № 207, с. 336.
- ⁸⁵ Там же, док. № 192, с. 317.
- ⁸⁶ Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. — Киев, 1890, вып. 1, с. 178.
- ⁸⁷ Воссоединение..., т. 1, док. № 193, с. 318.
- ⁸⁸ Донские дела, кн. 2, стб. 911—1027; Воссоединение..., т. 1, док. № 257, 258, с. 425—427; ЦГАДА, ф. 111. Донские дела, ед. хр. 2, л. 93—95, 110, 111.
- ⁸⁹ Воссоединение..., т. 1, док. № 155, с. 266.
- ⁹⁰ Там же, с. 265.
- ⁹¹ Там же, док. № 258, с. 426.
- ⁹² Там же, док. № 189, с. 312.
- ⁹³ Там же, с. 313.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ Донские дела, кн. 2, стб. 903.
- ⁹⁶ Там же, кн. 1, стб. 236.
- ⁹⁷ Там же, кн. 1, док. № 8, стб. 243, 248; док. № 9, стб. 274 — 275.
- ⁹⁸ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948, с. 103—105.
- ⁹⁹ Воссоединение..., т. 1, док. № 14, с. 27.
- ¹⁰⁰ Там же, док. № 29, с. 59.
- ¹⁰¹ Там же, док. № 39, с. 74.
- ¹⁰² Новосельский А. А. Борьба Московского государства... с. 237.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Воссоединение..., т. 1, док. № 131, с. 219. Донские дела, кн. 1, стб. 653, 655.
- ¹⁰⁵ Донские дела, кн. 1, стб. 340.
- ¹⁰⁶ Там же, стб. 653—655; кн. 2, стб. 120, 306; кн. 3, стб. 3.
- ¹⁰⁷ Там же, кн. 2, стб. 119—120.
- ¹⁰⁸ Воссоединение..., т. 1, док. № 26, с. 55.
- ¹⁰⁹ Там же, док. № 127, с. 214. Такие сведения о совместных боевых действиях донского и запорожского казачества против турецко-татарской экспансии содержится и в записках иностранцев (см.: Мыцык Ю. А. Записки иностранцев как источник по истории Украины (вторая половина XVI — середина XVII в.). — Днепрпетровск: ДГУ, 1981, ч. 1, с. 38.

- ¹¹⁰ Воссоединение..., т. 1, док. № 8, с. 16.
¹¹¹ Донские дела..., т. 1, кн. 1, стб. 553.
¹¹² Воссоединение..., т. 1, док. № 130, с. 218.
¹¹³ Там же, док. № 52, с. 89—90,
¹¹⁴ Там же, док. № 76, с. 131.

З а к л ю ч е н и е

¹ Ленин В. И. Крах II Интернационала. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 250.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. Источники о торгово-экономических связях между Украиной и Россией в XVI — первой половине XVII в.	7
Глава II. Источники по истории украинско-русских политических связей	24
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	52
Библиографический обзор	55

Темплан 1985, поз. 8

Николай Павлович КОВАЛЬСКИЙ

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ УКРАИНСКО-РУССКИХ СВЯЗЕЙ (XVI — первая половина XVII в.)

Редактор Л. П. Небогатова
 Техредактор Н. В. Островская
 Корректор В. Д. Кандрунина

Сдано в набор 31.01.85. Подписано в печать 07.05.85. БТ 70166.
 Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага типографская. Печать высокая.
 Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 4,0. Тираж 500 экз. Заказ № 155.
 Цена 10 к.

Редакционно-издательский отдел ДГУ, г. Днепропетровск, пр. Гагарина, 72.
 Типография ДГУ, г. Днепропетровск, ул. Генерала Пушкина, 4

10 коп.